

Проф. А. А. Денисовъ.

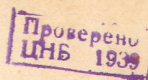
Профессоръ Харьковскаго Университета

М. А. ОСТРОУМОВЪ.

(По поводу тридцатилѣтія его педагогической и ученой дѣятельности).

Г45

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій переулочъ, домъ № 17-й.
1906.

08

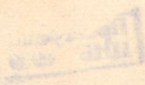
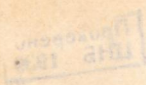
79 84 89

М. А. ОСТРОВСКИЙ

Профессор Харьковского Университета

М. А. ОСТРОВСКИЙ

Одобрено редакцией в 1908 году

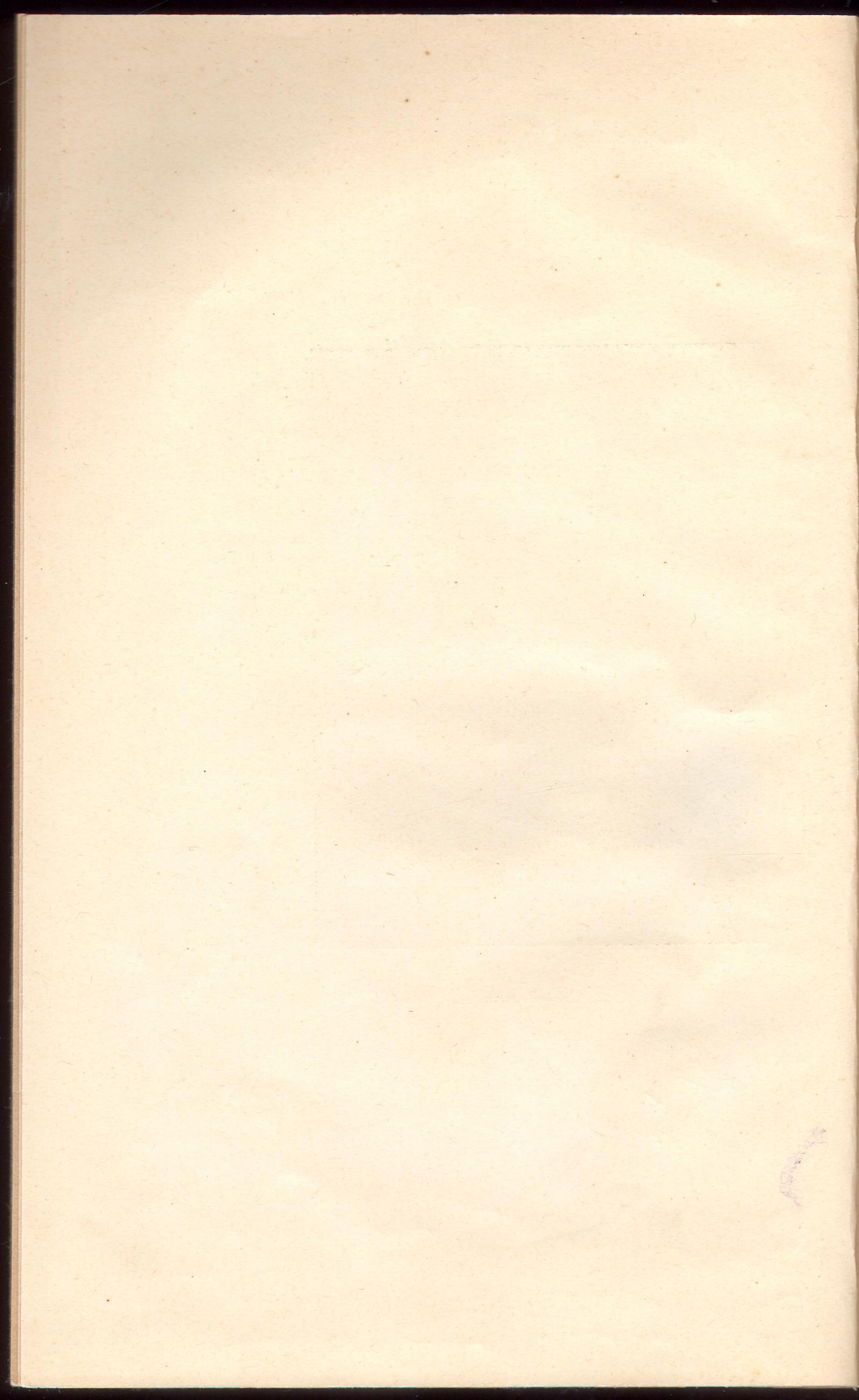

Харьковский Университет
Физико-математический факультет
1908

М. Комаровъ.

Профессоръ Харьковскаго Университета

М. А. ОСТРОУМОВЪ.

(По поводу тридцатилѣтія его педагогической и ученой дѣятельности).

I.

Немного найдется у насъ ученыхъ, которые отличались бы такою разносторонностью своихъ интересовъ и разнообразіемъ дѣятельности, какъ Михаилъ Андреевичъ Остроумовъ, скромно отпраздновавшій въ деревенской тиши 12-го іюня текущаго года тридцатилѣтній юбилей своего плодотворнаго служенія русской наукѣ и школѣ какъ высшей, такъ средней и нисшей. Юбилей этотъ прошелъ незамѣченнымъ нашей повременной печатью. Не было извѣстій также ни о какихъ привѣтствіяхъ и признаніи заслугъ и со стороны какихъ-либо общественныхъ группъ, несмотря на то, что въ наше время даже несравненно менѣе выдающіеся работники на скудной нивѣ русскаго просвѣщенія обычно удостоиваются подобнаго рода вниманія. Впрочемъ, теперь, въ самый разгаръ политическихъ страстей, трудно и ожидать, чтобы человѣку съ направленіемъ, какого держится почтенный юбиляръ, произведена была надлежащая оцѣнка. Пора для этого еще не наступила!

II.

Родился Михаилъ Андреевичъ 30 декабря 1847 года въ селѣ Акаевѣ Темниковскаго уѣзда Тамбовской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ его приходѣ населеніе было смѣшанное, состоявшее помимо русскихъ православнаго вѣроисповѣданія еще изъ мордвы (эрзи) и татаръ, магометанъ. Однако, это различіе жителей по національности и вѣрѣ, хотя и отражалось невыгодно съ матеріальной стороны на доходахъ священника, но не влекло за собою никакихъ другихъ не-

пріятностей, такъ какъ всѣ эти народности мирно уживались другъ около друга. За то необходимость угождать капризамъ и часто противоположнымъ вкусамъ окрестныхъ помѣщиковъ, которыхъ въ приходѣ его отца насчитывалось восемь, въ томъ числѣ пятеро князей Кугушевыхъ, заставляла скромнаго священнослужителя постоянно чувствовать непрочность своего положенія въ виду того, что онъ всегда могъ лишиться своего мѣста по прихоти одного изъ своихъ властныхъ прихожанъ, и дѣйствовала удручающимъ образомъ на его семью. Дѣтство свое Михайль Андреевичъ провелъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ міромъ крестьянъ: къ ихъ разговорамъ онъ прислушивался, когда они приходили къ его отцу, ища у него утѣшенія и помощи; ихъ дѣти были товарищами его лѣтнихъ игръ и полевыхъ работъ въ страдную пору. Съ другой стороны, бывая въ самомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ въ приходѣ, онъ ознакомился съ культурной обстановкой и строемъ богатой барской экономіи дореформенной эпохи и такимъ образомъ хотя и ребенкомъ собственными глазами видѣлъ весь гнетъ крѣпостного права съ двухъ противоположныхъ его концовъ. Всѣ эти дѣтскія впечатлѣнія заронили въ его душѣ сѣмена терпимости, состраданія къ угнетеннымъ и отвращеніе ко всякаго рода насилію. Нѣтъ ничего удивительнаго, что однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній отрочества служить для Михайла Андреевича чтеніе Манифеста 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Съ содержаніемъ этого акта духовенству было приказано ознакомить народонаселеніе еще до прочтенія его въ церквахъ. И вогь, будучи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Михайль Андреевичъ первый съ воодушевленіемъ читаетъ Манифестъ приглашаемымъ его отцомъ крестьянамъ и радуется ему, хотя и не понимая подробностей, но живо ощущая общій смыслъ освобожденія ¹⁾.

III.

Въ 1858 г. Михайль Андреевичъ былъ опредѣленъ въ Шацкое духовное училище, которое по своему строю и быту напоминало бурсу, описанную Помяловскимъ; отсюда онъ перешелъ въ Тамбовскую духовную семинарію, оставившую въ немъ самыя лучшія воспоминанія. Здѣсь между преподавате-

¹⁾ Какъ это, такъ и нѣкоторые другія свѣдѣнія, передаваемые въ нашей статьѣ, были сообщены намъ въ различное время самимъ М. А. Остроумовымъ.

лями его былъ извѣстный Иванъ Максимовичъ Сладкопѣвцевъ, по тогдашнему, профессоръ философскихъ наукъ. Этотъ самый Иванъ Максимовичъ въ бытность свою преподавателемъ Нижегородской семинаріи произвелъ то глубокое впечатлѣніе на Н. А. Добролюбова, о которомъ Н. Г. Чернышевскій передаетъ въ своихъ „Матеріалахъ“ для біографіи нашего критика.

Сдавъ въ семинаріи экзаменъ въ 1869 г. изъ всѣхъ предметовъ за второй годъ еще на первомъ году своего пребыванія въ богословскомъ классѣ и получивъ аттестатъ объ окончаніи курса, Михаилъ Андреевичъ поступилъ въ Петербургскій университетъ на Историко-Филологическій факультетъ, но оставался здѣсь недолго и вскорѣ перешелъ въ Медико-Хирургическую академію. Однако, тифъ и отсутствіе средствъ къ жизни принудили его уйти изъ нея, хотя любовь къ естественнымъ наукамъ онъ сохранилъ навсегда. По выходѣ изъ Медико-Хирургической академіи, Михаилъ Андреевичъ выдержалъ въ 1870 г. вступительный экзаменъ въ Московскую Духовную академію и опредѣлился на Историческое отдѣленіе ея, которое по своему характеру соотвѣтствовало Историко-Филологическому факультету Университета. Во главѣ Академіи въ то время стоялъ знаменитый А. В. Горскій, а въ числѣ профессоровъ находились Е. В. Амфитеатровъ, Н. И. Субботинъ, Е. Е. Голубинскій, В. О. Ключевскій, архимандритъ Михаилъ, П. С. Казанскій и другія свѣтила старой Московской академіи.

IV.

Окончивъ здѣсь курсъ 11 іюля 1874 г. магистрантомъ, Михаилъ Андреевичъ былъ утвержденъ въ должности преподавателя Всеобщей Церковной исторіи въ Тамбовской Духовной семинаріи 25 августа 1874 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено преподаваніе Исторіи русскаго раскола и Логики. Попутно на него же возложено было и преподаваніе Всеобщей гражданской исторіи въ Женскомъ Епархіальномъ училищѣ. Какъ ни былъ поглощенъ молодой преподаватель исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, однако онъ нашелъ досугъ для того, чтобы въ то-же время составить статью „О полемическихъ собесѣдованіяхъ съ отступившими отъ Православной Церкви“, которая и была помѣщена въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Желаніе быть ближе къ бібліотекѣ родной академіи заставило Михаила Андреевича перейти въ Вианскую духовную семинарію, близъ Троицкой лавры, въ которой помѣ-

щается Московская Духовная академія. И вотъ 17 сентября 1875 года онъ былъ утвержденъ здѣсь въ должности наставника Психологіи, Обзора философскихъ ученій и Педагогики.

Переходъ свой въ Виѣанскую семинарію Михаилъ Андреевичъ ознаменовалъ устройствомъ при ней Воскресной начальной школы. Дѣло въ томъ, что по уставу семинаріи преподаваніе Педагогики и Дидактики сопровождается практическими занятіями въ такой школѣ. Но такъ какъ Виѣанская семинарія находится близъ Виѣанскаго монастыря, около котораго нѣтъ никакихъ селеній, то устройство такой школы было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Однако, молодого и энергичнаго преподавателя не остановили трудности, съ которыми сопряжено было открытіе школы и она была заведена, причемъ дѣтей для нея пришлось набирать изъ ближайшихъ селеній: деревни Таракова и села Глинкова, лежащаго уже въ предѣлахъ Владимірской губерніи. Несмотря на такія неблагопріятныя условія, дѣло съ перваго раза пошло хорошо и во вновь основанной школѣ учениковъ постоянно находилось отъ 20 до 30 душъ.

Въ 1878 г. 4 іюля Михаилъ Андреевичъ былъ утвержденъ въ званіи члена педагогическихъ собраній въ семинаріи; въ томъ же году, по старымъ порядкамъ, онъ былъ сдѣланъ помощникомъ инспектора семинаріи. Кромѣ того, его неоднократно назначали членомъ коммисіи для разсмотрѣнія отчетовъ Духовныхъ училищъ Московской губерніи.

Всѣ эти труды не могли отвлечь молодого наставника отъ дальнѣйшей разработки тѣхъ наукъ, преподавателемъ которыхъ онъ состоялъ. Плодомъ этихъ занятій возникъ его „Обзоръ философскихъ ученій“ (Москва 1879—1880), признанный Св. Синодомъ учебникомъ по этому предмету и удостоенный полной преміи Высокопреосвященнаго Макарія. Въ основу этой книги авторъ положилъ мысль объ „откровеніи“, какъ особомъ гносеологическомъ принципѣ, посредствомъ котораго является человѣческому духу подлинное бытіе вещей. Здѣсь впервые въ русской философской литературѣ была указана граница матеріалистическаго міровоззрѣнія въ ученіи о субъективности нашихъ ощущеній, которымъ такъ широко теперь пользуется неокантианство. За это-же время была написана замѣтка „О преподаваніи философіи права въ духовныхъ академіяхъ“ (помѣщена въ „Православномъ Обзорѣніи“).

V.

Но по семейнымъ обстоятельствамъ Михаилъ Андреевичъ въ 1881 г. 29 января вышелъ въ отставку, переселился въ городъ Козловъ Тамбовской губерніи и поступилъ на службу въ мѣстное уѣздное земство. Здѣсь онъ сначала былъ сдѣланъ наблюдателемъ за хозяйственной частью начальныхъ училищъ и въ то-же время преподавалъ педагогику въ Козловской женской прогимназіи. Но вскорѣ вслѣдствіе доклада, представленнаго имъ въ томъ-же 1881 г. очередному земскому собранію, въ Козловскомъ уѣздѣ была учреждена должность отдѣльнаго инспектора народныхъ училищъ, по примѣру Елабужскаго земства, съ содержаніемъ отъ земства и съ разъѣздами на земскій счетъ, но съ правами государственной службы. До этого же времени Козловскій уѣздъ вмѣстѣ съ сосѣдними находился въ завѣдываніи правительственнаго инспектора, руководство и надзоръ котораго не могли быть плодотворными уже по той простой причинѣ, что ему одному приходилось разъѣзжать по нѣсколькимъ уѣздамъ и при томъ во время глубокой осени и зимы, когда только и производилось ученіе въ школахъ. По новому положенію Козловскій уѣздъ былъ выдѣленъ въ особый 6-ой участокъ, а инспекторомъ сюда согласно ходатайству земства былъ опредѣленъ Михаилъ Андреевичъ, который приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы оправдать оказанное ему довѣріе.

Козловское земство, какъ и всѣ остальные, унаслѣдовало свои школы отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, по распредѣленіи его дѣлъ въ 1866 году, въ количествѣ 61 школы. Изъ числа же этихъ послѣднихъ 17 было такъ называемыхъ „палатскихъ школъ“ (палкастеровскихъ), въ которыхъ по плану графа Киселева обыкновенно приготовлялись волостные писаря и волостные головы. Находились эти школы въ районѣ поселеній государственныхъ крестьянъ, для которыхъ онѣ поставляли нисній административный персоналъ. Остальныя 44 школы возникли по мысли графа М. Н. Муравьева, когда онъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ. Школы этого послѣдняго разряда въ общемъ были очень плохи: помѣщались онѣ въ церковныхъ караулахъ, бюджетъ ихъ былъ ничтоженъ. Духовенство, которое привлечено было къ занятію въ нихъ учительскихъ должностей, неисправно относилось къ своимъ обязанностямъ и вело занятія неправильно, какъ это явствовало изъ ревизіонныхъ отчетовъ чиновниковъ особыхъ порученій для наблюденія за порядкомъ въ волостяхъ.

Въ виду этого земство нашло возможнымъ сократить къ 1881 г. число принятыхъ имъ школъ до 50 въ уѣздѣ, несмотря на то, что въ немъ было до 400 селъ, въ томъ числѣ 118 съ церквями (теперь больше) съ 364,138 человѣкъ населенія на пространствѣ 5888,5 кв. верстъ. Школы за исключеніемъ „чалатскихъ“, скоро потонувшихъ въ общей массѣ и также пришедшихъ въ упадокъ, не пользовались особеннымъ довѣріемъ населенія и, если и возникали, то скоро и закрывались, не давая никакого положительнаго результата для развитія грамотности въ народѣ. „Была школа, да не принялась“,—говорили въ такихъ случаяхъ крестьяне.

Поэтому первой задачей, которую долженъ былъ выполнить новый инспекторъ народныхъ училищъ, состояла въ томъ, чтобъ возвратитъ школъ довѣріе населенія и расположить его къ грамотности. И эта задача была блистательно выполнена Михайломъ Андреевичемъ. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для него въ этомъ случаѣ надо считать то, что во главѣ Козловскаго земства въ то время стоялъ Юрій Александровичъ Ознобишинъ, двадцать пять лѣтъ непрерывно избиравшійся уѣзднымъ предводителемъ дворянства и въ силу этого бывшій председателемъ земскихъ собраній. Молодой, энергичный, высокообразованный, онъ руководилъ земскимъ дѣломъ въ Козловскомъ уѣздѣ почти съ самаго открытія земства, будучи избранъ въ уѣздные предводители дворянства 27 лѣтъ отъ роду. Вотъ такой-то дѣятель согласно „Положенію о начальныхъ училищахъ“ состоялъ, по должности предводителя дворянства, председателемъ училищнаго совѣта съ 1874 г., т. е. со времени изданія самаго „Положенія“. Естественное, что новый инспекторъ, являвшійся по тому же „Положенію“ Непремѣннымъ членомъ училищнаго совѣта, нашелъ въ Предсѣдателѣ самую вліятельную опору для осуществленія своихъ плановъ. А согласная дѣятельность Предсѣдателя и Непремѣннаго члена въ училищномъ совѣтѣ привела къ тому, что и Уѣздная Земская управа была привлечена и расположена къ разработкѣ систематическаго плана дѣйствій по развитію народнаго образованія въ уѣздѣ. За Управой же и Училищнымъ совѣтомъ пошло и земское собраніе, которое, начиная съ этого времени, т. е. съ 1881 г., въ продолженіе многихъ лѣтъ ни разу не отказывало своимъ инспекторамъ въ возбуждаемыхъ ими ходатайствахъ, потому что всѣ эти ходатайства клонились къ выполненію принятаго плана.

Согласно этому плану было признано разъ на всегда, что обращеніе земскихъ средствъ на училищныя надобности

въ той или другой мѣстности обусловливается участіемъ самихъ сельскихъ обществъ или даже и частныхъ лицъ данной мѣстности въ расходахъ по содержанію училищъ. Въ случаѣ, если какое нибудь общество или частное лицо желало открыть у себя училище, оно должно было, обращаясь въ Земскую управу съ просьбой о принятіи содержанія его на земскій счетъ, указать, какой взносъ съ своей стороны само ассигнуетъ ежегодно для этой цѣли. Было установлено, чтобы такая просьба удовлетворялась земскимъ собраніемъ только въ томъ случаѣ, если сельское общество или частное лицо соглашалось прежде всего построить училищное зданіе по плану, одобренному Училищнымъ совѣтомъ, причемъ если у сельскаго общества не хватало наличныхъ средствъ, оно могло взять у земства безпроцентную ссуду. Такъ были построены почти всѣ такъ называемыя земскія (въ отличіе отъ сельскихъ) училища. Но кромѣ хорошихъ зданій нуженъ былъ и хорошій составъ преподавателей. Для этого было учреждено земствомъ въ Тамбовскомъ-Нарышкинскомъ учительскомъ институтѣ десять стипендій. А когда была удовлетворена потребность въ учителяхъ для Земскихъ училищъ, ассигнованіе на стипендіи было обращено на награды лучшимъ изъ преподавательскаго персонала. Дальнѣйшей заботой инспектора было снабженіе училищъ учебными пособиями, причемъ впервые по его инициативѣ, по его смѣтамъ и подъ его наблюденіемъ эти пособия стали закупаться оптомъ и разсылаться по училищамъ земскою управою. Затѣмъ, по инициативѣ же инспектора была открыта съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ библіотека для учителей при Земской управѣ, а также составлены были 32 библіотеки при столькихъ же „земскихъ“ (въ отличіе отъ сельскихъ) тогдашнихъ училищахъ. Это былъ первый опытъ заведенія училищныхъ библіотекъ. Возникла затѣмъ мысль о томъ, чтобы устроить ремесленные классы при нѣкоторыхъ училищахъ, но она не могла быть осуществлена по тогдашнимъ мѣстнымъ условіямъ, хотя при женскихъ пригородныхъ училищахъ и введено было преподаваніе рукодѣлія, которое шло весьма успѣшно. Для того, чтобы предотвратить забываніе усвоеннаго въ училищѣ, основаны были, гдѣ оказалось возможнымъ, воскресные повторительные классы съ особымъ вознагражденіемъ учителей за труды. Въ видахъ возбудить соревнованіе между учителями всѣ училища были раздѣлены на нѣсколько разрядовъ, причемъ наиболѣе успѣвающіе учителя переводились изъ низшаго разряда въ высшій съ большимъ окладомъ жалованья. Кромѣ того, тѣмъ учителямъ, у

которыхъ много учениковъ выдерживало экзаменъ на льготу по отбыванію воинской повинности, земствомъ назначаемы были награды изъ особыхъ ассигнованій, опредѣленныхъ для этой цѣли. Наконецъ, усиленъ былъ надзоръ за училищами съ ихъ внутренней стороны, причемъ надзору этому приданъ былъ характеръ не столько ревизіи, сколько руководства, для чего инспекторъ всѣми мѣрами старался сблизиться съ учителями и пособить имъ, по скольку это было въ его силахъ и зависѣло отъ его личнаго вліянія, въ ихъ занятіяхъ, для того, чтобы они легче могли преодолѣть многочисленныя затрудненія, какія имъ приходилось испытывать съ разныхъ сторонъ. Съ этою цѣлью въ тѣ 90—100 зимнихъ дней, когда производилось ученіе, инспекторъ по нѣскольку разъ посѣщалъ каждое училище, дѣлая въ зиму по уѣзду болѣе пяти съ половиною тысячъ верстъ.

Всѣми этими мѣрами дѣло народнаго образованія въ Козловскомъ уѣздѣ было поставлено на вѣрный и прочный путь. Зданія и училищная обстановка улучшились; образовался весьма хорошій подборъ учителей, изъ коихъ многіе и понынѣ здравствуютъ, украшенные медалями за усердіе; обученіе достигло возможной высоты, такъ что правильное письмо подъ диктовку и знаніе элементарныхъ правилъ русскаго синтаксиса въ старшемъ отдѣленіи стало совершенно зауряднымъ явленіемъ. Довѣріе къ училищамъ возросло въ населеніи и въ соотвѣтствіи съ этимъ школы стали непрерывно умножаться. Въ самомъ дѣлѣ, въ три съ половиною года, въ теченіе которыхъ Михаилъ Андреевичъ служилъ въ Козловскомъ земствѣ, число школъ въ уѣздѣ увеличилось болѣе, чѣмъ на двадцать, въ то время какъ существовавшія раньше параллельно съ этимъ совершенно преобразились. Между прочимъ слѣдуетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что возвышенію авторитета школъ въ глазахъ населенія особенно способствовалъ приданный имъ религіозно-нравственный и патріотическій характеръ, къ чему и земскія партіи относились весьма сочувственно.

Переходъ Михаила Андреевича въ Московскую Духовную академію на кафедру Исторіи философіи вызвалъ всеобщее сожалѣніе; а тогдашній директоръ Народныхъ училищъ Колосовскій счелъ нужнымъ выразить это сожалѣніе въ особомъ письмѣ къ нему. На прощальномъ же обѣдѣ, который данъ былъ Михаилу Андреевичу учителями, законоучителями и земскими дѣятелями, съ особенной яркостью обнаружилось, какимъ довѣріемъ и любовью пользовался уходящій инспекторъ среди преподавательскаго персонала.

Принятая со времени инспекторства Михаила Андреевича система проводилась въ Козловскомъ земствѣ въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ. Да это и понятно, такъ какъ предводителемъ дворянства во все это время былъ тотъ-же Ю. А. Ознобишинъ, а преемниками Михаила Андреевича по должности инспектора были его братья: Алексѣй (теперь помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа) и Андрей (теперь директоръ Пензенской учительской семинаріи) Андреевичи Остроумовы. Эти лица не отступали отъ развѣ намѣченной системы и вели дѣло съ неослабной энергіей. Доказательствомъ же того, что система эта была правильная, могутъ служить достигнутые благодаря ей результаты. Въ настоящее время въ Козловскомъ уѣздѣ 156 народныхъ училищъ (не считая церковно-приходскихъ), изъ нихъ 4 двухклассныхъ училища Министерства Народнаго Просвѣщенія, одно одноклассное, 7 городскихъ приходскихъ и 144 начальныхъ народныхъ. Въ нихъ 412 преподавателей, изъ коихъ 160 законоучителей, и 13,003 учащихся, изъ коихъ мальчиковъ 10,537 и дѣвочекъ 2,466. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ существуетъ по два и даже по три училища, напримѣръ, въ Чурюковѣ. По вычисленію Губернской и Уѣздной Земскихъ управъ для „общедоступности“ начальнаго образованія въ отношеніи къ мужскому населенію въ Козловскомъ уѣздѣ осталось открыть только 20 училищъ. Библіотекъ при училищахъ въ настоящее время насчитывается 70; въ нихъ состоитъ болѣе 19,000 книгъ. Что касается бюджета на народное образованіе, то въ 1903 г. въ Козловскомъ земствѣ онъ достигъ почтенной суммы 105,206 руб. 69 к., тогда какъ въ началѣ дѣятельности Михаила Андреевича для той же цѣли предназначалось, если не ошибаемся, что-то около 15,000 руб. Мало того, удачный опытъ Козловскаго земства, заведнаго своего собственнаго инспектора народныхъ училищъ, вызвалъ подраженія и въ другихъ земствахъ Тамбовской губерніи. Видя достигнутые результаты, они поспѣшили также учредить должности отдѣльныхъ земскихъ инспекторовъ. При исполненіи должности инспектора Михаилу Андреевичу приходилось составлять очень интересные и поучительные доклады очереднымъ земскимъ собраніямъ о состояніи народныхъ училищъ и о положеніи народнаго образованія въ уѣздѣ. Всѣ эти доклады помѣщены въ Журналахъ Козловскаго земскаго собранія за 1881, 1882, 1883 и 1884 гг.

Козловское земство всегда относилось съ большимъ вниманіемъ къ Михаилу Андреевичу и высоко цѣнило его труды даже по оставленіи имъ службы. Такъ, спустя уже десять лѣтъ

послѣ этого событія, а именно въ 1893 году, оно вспомнило своего перваго инспектора и въ знакъ благодарности постановило высылать ему Журналы земскихъ собраній.

VI.

Вступленіе Михаила Андреевича въ число преподавателей Московской Духовной Академіи совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Состоя инспекторомъ Народныхъ училищъ въ г. Козловѣ, онъ былъ приглашенъ Академіей въ ноябрѣ 1883 г. принять участіе въ конкурсѣ для занятія каѳедры исторіи философіи, для чего долженъ былъ представить диссертацию *pro venia legendi* и прочитать двѣ лекціи, одну по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта Академіи. Защита диссертациі и чтеніе установленныхъ двухъ лекцій происходили 1-го марта 1884 г. Въ Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ въ одномъ изъ первыхъ мартовскихъ номеровъ объ этомъ событіи сообщено было вотъ что: „1 марта въ 11 часовъ утра всѣ профессора и доценты богословскаго отдѣленія въ полномъ своемъ составѣ и масса студентовъ, заранѣе посѣдившихъ занятія мѣста въ ожиданіи молодого ученаго, оставившаго по себѣ добрую память въ Виѳанской семинаріи, гдѣ онъ преподавалъ философію и психологію до своего поступленія на должность инспектора народныхъ училищъ, присутствовали при защитѣ его *pro venia legendi*. Сначала профессоромъ психологіи А. П. Смирновымъ было предложено нѣсколько возраженій на его разсужденіе на тему: „Введеніе въ исторію философскихъ ученій¹⁾“²⁾, въ которомъ авторъ выразилъ свой взглядъ на исторію философскихъ системъ какъ на связную живую цѣпь, всѣ звенья которой находятся въ органической связи, въ зависимости одно отъ другого. Въ каждой системѣ, по мнѣнію автора, есть истина, ибо каждая изъ философскихъ системъ трактуетъ объ одномъ и томъ-же предметѣ, но лишь смотритъ на него съ разныхъ точекъ зрѣнія. Съ первыхъ же словъ г. Остроумовъ сумѣлъ завоевать симпатіи своихъ молодыхъ слушателей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣми перипетіями ученаго спора. Сразу было видно, что г. Остроумовъ—не новичекъ въ избранной имъ области. Его отвѣты на возраженія отличались вѣскостью и оригинальностью, отчетливостью и ясностію мысли. Онъ какъ бы хваталъ на лету возраженія

¹⁾ Нужно читать: системъ.

²⁾ Это сочиненіе затеряно въ рукописи.

оппонента, какъ бы предвидѣлъ каждое изъ нихъ и на каждое давалъ отвѣтъ. По окончаніи преній слушатели наградили восторженными аплодисментами молодого ученаго. Вслѣдъ затѣмъ г. Остроумовъ прочиталъ требуемый уставомъ двѣ пробныхъ лекціи. Первая (по назначенію) трактовала „О значеніи Сократа въ исторіи философскихъ ученій“, гдѣ авторъ ясно опредѣлилъ значеніе Сократа какъ великаго реформатора въ области философской мысли древняго міра. Вторая лекція (по собственному избранію) излагала „Ученіе Канта о разумѣ“¹⁾. Слушатели остались весьма довольны лекторомъ, сумѣвшимъ соединить въ своихъ лекціяхъ простоту и наглядность съ глубокомысліемъ. Силѣ впечатлѣнія много способствовала ясность и твердость дикціи лектора, а также изящество слога лекцій. По окончаніи чтеній поднялась цѣлая буря рукоплесканій, долго не смолкавшихъ... „Будетъ очень прискорбно“, заключаетъ корреспондентъ, „если академическая корпорація, руководясь какими-либо соображеніями, отклонить кандидатуру г. Остроумова“... Послѣ такого успѣха Михаила Андреевича второй конкуррентъ отказался отъ конкурса, а академическая корпорація не оправдала опасеній корреспондента. И вотъ 16 марта 1884 г. Михаилъ Андреевичъ былъ избранъ совѣтомъ на кафедру исторіи философіи въ званіи приватъ-доцента, 25 того-же мѣсяца утвержденъ въ немъ, а 15 августа переименованъ согласно новому академическому уставу въ исполняющіе должность доцента.

Съ первыхъ же лекцій Михаилъ Андреевичъ началъ излагать свой взглядъ на условія историческаго развитія философіи, при чемъ особенно останавливался на внутреннихъ условіяхъ, опредѣляющихъ самый ходъ развитія и послѣдовательности философскихъ системъ. По его взгляду, въ самой познающей дѣятельности заложены извѣстныя точки зрѣнія, съ которыхъ могутъ разсматриваться вещи въ извѣстной послѣдовательности. Какъ бы разнообразны философскія системы ни казались, онѣ всѣ могутъ быть подведены подъ опредѣленные типы, зависящіе отъ той основной точки зрѣнія, какая господствуетъ въ данное время и съ какой философъ строитъ свое міровоззрѣніе. Особенно яркій примѣръ послѣдовательной смѣны этихъ точекъ зрѣнія и типовъ философскаго міровоззрѣнія, по его мнѣнію, представляетъ греческая философія: три типа собственно философскихъ воззрѣній слѣдовали здѣсь другъ за другомъ въ такой преемственности: въ досократовской фи-

¹⁾ Нужно читать: о паралогизмахъ чистаго разума.

лософіи господствовалъ типъ космологическій; отъ Сократа начинается антропологическій; а въ неоплатонизмѣ и неоплатонизмѣ выразился теологическій; въ первомъ случаѣ господствовала точка зрѣнія представленія, во второмъ—точка зрѣнія понятія и въ третьемъ—точка зрѣнія идеи. Параллель развитію древне-греческой философской мысли можно указать въ исторіи новой философіи. Философія, какъ продуктъ познанія, отсылаетъ въ концѣ концовъ человѣческой разумъ къ религіи и такимъ образомъ развивается вмѣсто раціональнаго мировоззрѣнія религіозное, основанное на особомъ отношеніи цѣлаго человѣческаго духа къ бытію и его основѣ. Всѣ четыре момента отдѣляются другъ отъ друга періодами критики, анализа и скепсиса.

Этотъ взглядъ былъ положенъ потомъ Михаиломъ Андреевичемъ въ основу его магистерской диссертациі, написанной весьма спѣшно въ опредѣленный новымъ уставомъ Академіи двухгодичный срокъ (1884 г.). Диссертация эта носитъ заглавіе: „Исторія философіи въ отношеніи къ Огкровенію. Взглядъ на условія историческаго развитія философіи“ (Харьковъ, 1886). Знаменитый профессоръ философіи въ Московской Духовной Академіи В. Д. Кудрявцевъ далъ объ названной книгѣ въ качествѣ officialнаго рецензента въ Совѣтѣ Академіи весьма лестный отзывъ, помѣщенный въ Журналахъ Академіи за 1886 г. Рецензентъ между прочимъ пишетъ: „Что касается философскаго свойства задачи, которую предположилъ себѣ авторъ и которая, какъ мы видѣли изъ общаго очерка содержанія его сочиненія, состоитъ въ указаніи условій, опредѣляющихъ ходъ исторіи философіи въ цѣломъ и частяхъ, то выполнение ея служитъ новымъ подтвержденіемъ того обширнаго знакомства съ исторіею философіи, того несомнѣннаго философскаго таланта и способности къ отчетливому и стройному изложенію философскаго матеріала, которыми характеризуются и прежнія сочиненія автора, преимущественно его „Обзоръ философскихъ ученій“. Методъ, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи,—сначала при помощи анализа нашего сознанія указать общіе принципы развитія философіи и главные типы философскихъ системъ, затѣмъ оправдать свои теоретическія построенія фактами—можетъ быть названъ дедуктивнымъ и авторъ владѣетъ этимъ методомъ съ полнымъ совершенствомъ. Хотя приложеніе этого метода къ историческимъ фактамъ и сопровождается нѣкоторою опасностію насильственно подтянуть факты къ а priori, теоретически начертаннымъ схемамъ, но авторъ въ большей части случаевъ

искусно сумѣлъ обойти эту опасность. Вообще, выводъ на основаніи анализа сознанія главныхъ типовъ философскихъ системъ и главныхъ моментовъ въ исторіи философіи отличается остроуміемъ, строгою логическою послѣдовательностію и свидѣлствуетъ о діалектическомъ искусствѣ автора. Оправданіе этого вывода при помощи обзрѣнія главныхъ моментовъ и новой философіи (историческая часть сочиненія) показываетъ многостороннее знакомство автора съ исторією философіи, что и даетъ ему возможность избрать изъ обширнаго историческаго матеріала характеристическія черты и факты, подтверждающіе его воззрѣніе, и комбинировать ихъ въ одно сжатое, но стройное цѣлое. Съ особенной яркостію эти свойства таланта автора выступаютъ въ третьей главѣ второго отдѣла его сочиненія, озаглавленной: „Параллель между новой философіей и древней“... „Что касается до его теоретическаго воззрѣнія“, продолжаетъ рецензентъ, „на сущность христіанскаго Откровенія и на заключительныя разъясненія объ отношеніи философіи къ богословію, то здѣсь мы не видимъ той ясности, стройности и отчетливости въ теченіи мыслей, которыхъ въ правѣ ожидать читатель, привыкшій видѣть эти качества въ историко-философской части сочиненія автора ¹⁾. Но, несмотря на то, что богословско-философская часть въ сочиненіи автора уступаетъ въ своемъ достоинствѣ чисто философской, и богословъ найдетъ въ немъ много частныхъ содержательныхъ мыслей, имѣющихъ отношеніе къ религиознымъ вопросамъ, цѣнныхъ, иногда въ примѣчаніяхъ разъясненныхъ, сближеній философскихъ понятій съ положеніями христіанской догматики, свидѣтельствующихъ объ его богословской эрудиціи. Особенно же онъ будетъ благодаренъ за общее направленіе сочиненія, авторъ котораго смотритъ на науку, составляющую предметъ его спеціальныхъ занятій (исторію философіи) какъ на „методъ приведенія разумнаго міровоззрѣнія къ откровенію какъ высшему матеріальному принципу постиженія бытія“ (стр. 282), а современную задачу философіи, указываемую закономъ историческаго движенія философіи, полагаетъ въ установленіи религіознаго міросозерцанія, „въ силу котораго все бытіе должно представляться какъ осуществленіе божественнаго Откровенія въ различныхъ его моментахъ, для цѣлей религіозныхъ“ (стр. 281). Нечего и гово-

1) Это произошло, потому что разбираемое сочиненіе вслѣдствіе назначеннаго Уставомъ краткаго двухгодичнаго срока его подачи явилось безъ послѣдней заключительной главы, которая должна была спеціально трактовать объ отношеніи философіи къ богословію.

рить, что диссертация Михаила Андреевича послѣ такого благосклоннаго отзыва была допущена до защиты. Диспутъ прошель у него блестяще, а потому св. Синодомъ онъ и былъ утвержденъ 29 января 1887 г. въ степени магистра. Въ слѣдующемъ году на конкурсѣ магистерскихъ диссертаций въ Академіи, Академія присудила за эту книгу Михаилу Андреевичу Макарьевскую премію. Пишущій эти строки лично помнитъ также, какъ покойный П. Е. Астафьевъ, извѣстный въ свое время авторъ многихъ выдающихся философскихъ трактатовъ, завѣдывавшій въ то время Университетскимъ отдѣленіемъ въ Лицѣ Цесаревича Николая, давалъ намъ самый лестный отзывъ объ этой книгѣ, называлъ ее по логическому развитію „стальною“ и горячо рекомендовалъ ознакомиться съ нею.

Развивая свои философскіе взгляды въ лекціяхъ для студентовъ, Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ при анализѣ внутреннихъ условій развитія философіи по необходимости касаться генезиса нашего познанія и его предѣловъ съ точки зрѣнія теоріи познанія, а это заставляло его, въ свою очередь, затрогивать современныя теоріи познанія вообще и въ частности развиваемыя фیزیологической психологіей. Съ другой стороны, въ самомъ изложеніи космологическихъ и психологическихъ философскихъ доктринъ онъ вынужденъ былъ принимать въ соображеніе проблемы современнаго естествознанія. Здѣсь ему помогала его громадная начитанность въ области естественныхъ наукъ, къ которымъ онъ сохранилъ живой интересъ еще со времени своего пребыванія въ Медико-Хирургической академіи, хотя оно и было непродолжительное. Свой взглядъ на психологическій вопросъ онъ высказалъ еще въ 1880 г. въ „Обзорѣ философскихъ ученій“, примкнувъ въ разрѣшеніи его къ „неокантіанцамъ“ въ Германіи. Болѣе подробно тотъ же взглядъ развитъ имъ уже въ бытность его въ Академіи въ сочиненіи: „О фیزیологическомъ методѣ въ психологіи“, вышедшемъ въ 1888 г. Основная задача этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы выяснить противорѣчіе, въ которое впадаетъ психологическое ученіе современной фیزیологіи, трактуя вопросъ о происхожденіи сознанія въ общей фیزیологіи мозга съ одной точки зрѣнія и въ фیزیологіи органовъ чувствъ—съ другой, совершенно противоположной. Въ общей фیزیологіи мозга сознаніе, въ томъ числѣ и ощущенія, является функціей мозга, а въ фیزیологіи органовъ чувствъ самъ мозгъ представляется феноменомъ ощущенія со всѣми его ощущаемыми качествами. Такимъ образомъ получается логическій

абсурдъ: слѣдствіе (ощущеніе и сознаніе) оказывается причиною или условіемъ своей собственной причины (ощущаемыхъ качествъ мозга, подъ видомъ которыхъ намъ мозгъ только и извѣстенъ). Въ то время представленіе объ энергіи, на которомъ теперь пытаются обосновать психологическое ученіе, еще не было развито въ той формѣ, какъ нынѣ, и книга Михаила Андреевича, будучи первымъ опытомъ сочиненія подобнаго рода на русскомъ языкѣ, имѣла большое научное значеніе. По крайней мѣрѣ покойный П. Е. Астафевъ въ своей рецензіи на эту работу, озаглавленной „Итогъ новой психологіи“, писалъ, „что книга эта не можетъ пройти не замѣченной не только въ нашей скудной русской, но и общей философской литературѣ нашего времени“. „Стараясь по возможности менѣе выдвигать впередъ свои личные взгляды на предметъ (кромѣ послѣднихъ главъ)“, говоритъ рецензентъ, „и предоставляя высказываться почти постоянно собственными словами самимъ признаннымъ корифеямъ фیزیологической психологіи, авторъ шагъ за шагомъ проводитъ читателя черезъ все фیزیологическое ученіе, само такимъ образомъ, устами собственныхъ творцовъ, раскрывающее этому читателю свое очевидное до комизма, непоправимое самопротиворѣчіе. Благодаря такому приему, школа фیزیологической психологіи въ книгѣ г. Остроумова совершенно серьезно и безъ всякихъ натяжекъ сама себя нещадно сѣчетъ и побиваетъ“. Съ своей стороны, мы прибавимъ, что въ основномъ своемъ воззрѣніи на выводы фیزیологической психологіи Михаилъ Андреевичъ несомнѣнно примыкаетъ къ Альб. Ланге въ его „Исторіи матеріализма“.

Помимо чтенія лекцій по исторіи философіи Михаилу Андреевичу поручено было опредѣленіемъ Совѣта Академіи, состоявшимся 12 марта 1886 г., также и чтеніе лекцій по вакантной кафедрѣ „Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“ (т. е. прежняго основного богословія). Въ связи же съ предшествовавшими занятіями богословіемъ появилась его книга о гр. Л. Н. Толстомъ, представляющая разборъ и характеристику богословскихъ воззрѣній писателя (главнымъ образомъ его „Исповѣди“) съ христіанско-теистической точки зрѣнія. Въ духовномъ мірѣ эта книга, напечатанная сначала въ видѣ журнальныхъ статей (какъ и всѣ почти сочиненія автора), произвела большое впечатлѣніе, какъ первый опытъ ориентировки въ воззрѣніяхъ знаменитаго писателя съ богословской точки зрѣнія, и разошлась въ Москвѣ въ двѣ недѣли. Объ ней оберъ-прокуроръ Св. Синода во всеподданнѣйшемъ докладѣ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія покойнаго Императора Алек-

сандра III; а преосвященный Теофанъ затворникъ въ письмѣ отъ 30 декабря 1885 г. изъ Вышенской пустыни къ Елагину, который расхваливалъ ему названное сочиненіе, писалъ: „Остроумовъ подвигается впередъ, — и чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе задираетъ. Особенно теперь читаемое — въ ноябрьской второй книжкѣ — хорошо. Помогите ему, Господи!“ Однако, по признанію самого автора, книга эта, посвященная имъ памяти только что умершаго и горячо любимаго младшаго брата Федора Андреевича, написана слишкомъ субъективно и горячо, хотя и совершенно искренне, а потому и имѣла характеръ болѣе злободневный, чѣмъ ученый. Къ тому-же и религиозные взгляды самого гр. Л. Н. Толстого претерпѣли уже съ того времени значительную эволюцію.

Покончивъ съ диссертацией и высказавъ въ ней взглядъ на общій ходъ исторіи философіи, Михаилъ Андреевичъ вознамѣрился издать рядъ монографическихъ очерковъ съ изложеніемъ и характеристикой той или другой философской системы. И дѣйствительно, въ 1887 г. былъ приготовленъ очеркъ подъ заглавіемъ „Фалесъ Милетскій“, напечатанный въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, а потомъ переизданный съ передѣлками въ 1902 году. Къ сожалѣнію дѣло на этомъ и остановилось.

Производя общую оцѣнку дѣятельности Михаила Андреевича въ стѣнахъ Московской академіи, можно съ увѣренностію сказать, что его лекціи по исторіи философіи оставили свой слѣдъ тамъ, хотя онъ и пробылъ здѣсь недолго. По крайней мѣрѣ, его преемникъ по кафедрѣ, проф. А. И. Введенскій, указываетъ на это въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, въ своей книгѣ: „Психологія вѣры“ (Сергіева Лавра, 1899) онъ пишетъ: „Наша схема основныхъ типовъ конкретно-содержательнаго опредѣленія Безконечнаго (Сила, Разумъ, Благо), намѣченная нами уже въ диссертациі, приняла окончательную форму подъ влияніемъ замѣчательной — къ сожалѣнію мало оцѣненной книги проф. М. А. Остроумова: „Исторія философіи въ отношеніи къ Откровенію, взглядъ на условія историческаго развитія философіи“. Въ этой книгѣ — глава IV отд. I — авторъ съ замѣчательной отчетливостію намѣчаетъ три основныхъ типа естество-философской мысли: космологическій, антропологическій, теологическій. Здѣсь болѣе, чѣмъ внѣшнее совпаденіе съ нашей схемой. Вообще почитаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ съ чувствомъ глубокой благодарности упомянуть объ идеяхъ высокопочтеннаго автора названной книги, служившихъ для насъ источникомъ многообразныхъ духовныхъ воз-

буждений,—тѣмъ болѣе могущественныхъ, что они восприняты въ дни юности“ (стр. 73). Почти тоже тотъ же профессоръ говоритъ въ другомъ своемъ капитальномъ сочиненіи: „Религіозное сознаніе язычества“ (Москва, 1902 г., I стр. 45). Вообще надо замѣтить, что со времени лекцій Михаила Андреевича въ Московской академіи появляется рядъ молодыхъ преподавателей изъ его учениковъ, которые въ философіи, психологіи и основномъ богословіи считаютъ необходимымъ указывать на данныя положительныхъ наукъ, а не довольствоваться однимъ умозрѣніемъ. Изъ нихъ кромѣ проф. А. И. Введенскаго (философія) мы можемъ назвать еще профессоровъ С. А. Глаголева (введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ, бывшее основное богословіе) и П. П. Соколова (психологія).

Едва-ли кому извѣстно, что Михаилъ Андреевичъ принималъ еще косвенное участіе въ возникновеніи мысли объ изданіи русскаго философскаго журнала „Вопросы философіи и психологіи“. Извѣстно, что Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ слушалъ лекціи въ Московской Духовной академіи и съ той поры часто посѣщалъ Сергіеву Лавру, пока жилъ въ Москвѣ. Въ одно изъ такихъ посѣщеній чрезъ И. И. Кристи (нынѣ покойнаго, брата Московскаго губернатора), бывшаго слушателемъ Михаила Андреевича, Владиміръ Сергѣевичъ и этотъ послѣдній познакомились и во время пріѣздовъ Владиміра Сергѣевича въ Сергіевъ Посадъ вели частыя вечернія бесѣды въ номерѣ старой лаврской гостиницы, гдѣ обыкновенно останавливался покойный философъ. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ Михаилъ Андреевичъ высказалъ ему мысль, что хорошо было бы издавать философскій журналъ, подобный богословскому, издаваемому Московской академіей. А академія въ то время издавала: „Творенія святыхъ Отецъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіями“. По мысли Михаила Андреевича можно было бы издавать „Творенія философовъ въ русскомъ переводѣ съ прибавленіемъ философскихъ изслѣдованій“. Черезъ нѣкоторое время послѣ этой бесѣды въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась замѣтка объ изданіи психологическимъ обществомъ въ Москвѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“, написанная В. С. Соловьевымъ. Онъ же помѣстилъ эту замѣтку по совѣту покойнаго профессора философіи въ Московскомъ университетѣ Н. Я. Грота, котораго въ шутку именовали въ интимномъ кружкѣ не „гротомъ“, а „пещерою“. Н. Я. Гротъ находилъ, что названіе журнала много значитъ и придалъ ему вышеупомянутое заглавіе для того, чтобы заинтересовать будущихъ читателей. Творенія же философовъ рѣшено было издавать осо-

быми прибавленіями. Въ память этой бесѣды В. С. Соловьевъ подарилъ Михаилу Андреевичу свою книгу „Религіозныя основы жизни“ съ надписью: „Сострадалцу по ереси развитія“. Происходило это 21 ноября 1886 г. Въ 1887 г. нашелся издатель для „Вопросовъ философіи и психологіи“, а въ январѣ 1888 г. вышла уже первая книжка журнала со вступительной статьею Н. Я. Грота. Но въ это время Михаилъ Андреевичъ находился уже въ Харьковскомъ университетѣ и преподавалъ Церковное право.

VII.

Въ Харьковскомъ Университетѣ Михаилъ Андреевичъ былъ первымъ штатнымъ профессоромъ по кафедрѣ Церковнаго права. Дѣло въ томъ, что до введенія Университетскаго устава 1863 года ознакомленіе студентовъ юридическаго факультета съ Церковнымъ правомъ было возложено на профессора богословія. Уставомъ 1863 года была, правда, учреждена особая кафедра по этому предмету; но до 1887 г. въ Харьковскомъ Университетѣ она оставалась вакантною, преподаваніе же Церковнаго права поручалось кому-либо изъ наличныхъ профессоровъ, занимавшихъ другія кафедры. Такъ какъ Михаилъ Андреевичъ не имѣлъ еще тогда требуемой Уставомъ докторской степени, то дѣло о немъ восходило на Высочайшее воззрѣніе. Но, наконецъ, всѣ препятствія были устранены и 2 мая 1887 г., по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія И. Д. Делянова, Государь Императоръ соизволилъ на назначеніе его профессоромъ Церковнаго права въ Харьковскій Университетъ.

Сдѣлавшись представителемъ новой для себя науки, Михаилъ Андреевичъ отдался ей со свойственнымъ ему жаромъ и энергіей, хотя на первыхъ же порахъ встрѣтилъ сильное препятствіе для своихъ занятій въ томъ, что отдѣлъ Церковнаго права въ Университетской библіотекѣ былъ довольно запущенъ. Однако, благодаря содѣйствію со стороны Историко-Филологическаго факультета и въ частности авторитетному голосу профессоровъ М. С. Дринова и А. С. Лебедева, который въ то время состоялъ деканомъ Историко-Филологическаго факультета, неудобства, связанныя съ отсутствіемъ необходимыхъ пособій, были устранены: Совѣтъ и Правленіе Университета рѣшили приобрѣсти очень дорогое изданіе *Minia Patrologiae cursus completus*, а впослѣдствіи была выписана также и *Harduini Collectio conciliorum* и дана была ассигновка на покупку необходимыхъ книгъ по Церковному праву.

Къ счастью нѣкоторые цѣнные изданія, какъ напримѣръ *Verregii Synodus* и другія, оказались сверхъ того въ библиотекѣ Харьковской Духовной семинаріи. Все это давало возможность Михаилу Андреевичу уже серьезно погрузиться въ занятія своею спеціальностью. И вотъ на ряду съ чтеніемъ лекцій по своему предмету онъ вскорѣ входитъ въ обслѣдованіе исторіи источниковъ Церковнаго права и занимается изученіемъ спеціальныхъ изслѣдованій въ этой области.

Благодаря своей обширной богословской и философской эрудиціи въ сухую науку Церковнаго права Михаилъ Андреевичъ внесъ широкіе взгляды и черезъ то придалъ своимъ лекціямъ своеобразный интересъ для слушателей, мало знакомыхъ съ тѣмъ кругомъ идей, которыя составляютъ предпосылки Церковнаго права. Дѣло въ томъ, что Христіанство никогда не существовало въ видѣ чистой отвлеченной доктрины, на подобіе какого-нибудь философскаго ученія, но всегда въ видѣ общины или церкви, которая въ себѣ хранила свое ученіе или міровоззрѣніе, оказывавшее вліяніе на организацію и жизнь самой церкви. Какъ продолжательница дѣла Христова, въ этомъ Церковномъ самосознаніи Церковь сознаетъ себя органомъ борьбы съ міровымъ зломъ (1 Іоан. V 19) или грѣхомъ, и христіанство такимъ образомъ является религіей спасенія или искупленія. Борьба со зломъ индивидуальнымъ, соціальнымъ и космическимъ и побѣда надъ нимъ несомнѣнно составляетъ задачу всей жизни человѣчества, которой оно стремится достигнуть въ области культуры и экономики, права и нравственности и, наконецъ, въ области религіи. Экономическія отношенія не рѣшаютъ задачи и отсылаютъ къ праву и государству, но и въ правѣ нѣтъ рѣшенія задачи, а потому оно отсылаетъ къ морали, а мораль, въ свою очередь, отсылаетъ къ религіи, высшая форма которой, несомнѣнно, есть христіанство, какъ оно выражается въ Церкви. Отсюда отерываются обширныя перспективы для оцѣнки и переоцѣнки всѣхъ вышеупомянутыхъ сферъ жизни, изучаемыхъ на юридическомъ факультетѣ въ экономическихъ, цивилистическихъ и политическихъ наукахъ. Обзорѣнію всѣхъ этихъ областей съ точки зрѣнія задачъ и природы Церкви въ связи съ опредѣленіемъ мѣста Церковнаго права въ системѣ юридическихъ наукъ Михаилъ Андреевичъ посвящалъ первую половину осенняго семестра.

Во вторую половину его Михаилъ Андреевичъ излагалъ исторію источниковъ Церковнаго права въ связи съ развитіемъ устройства Церкви, движеніемъ свѣтскаго законодатель-

ства и общими историческими условиями времени. Обширное знакомство съ исторіей Церкви, преподавателемъ которой онъ состоялъ въ Тамбовской семинаріи, обстоятельное изученіе исторіи Византіи и Славянства давали ему возможность освѣтить этотъ предметъ со многихъ наиболѣе интересныхъ сторонъ. Данный отдѣлъ лекцій Михаила Андреевича естественно распадался на двѣ части: исторію источниковъ греческой Церкви и отчасти римской въ періодъ ея единенія съ греческой и исторію источниковъ Церквей славянскихъ и въ частности русской Церкви. Въ исторіи источниковъ греческой Церкви онъ проводилъ тотъ тезисъ, что во главѣ Церковнаго правообразованія со временъ Константина Великаго всегда стояла Церковь Константинопольская и что законодательство греческой Церкви до раздѣленія Церквей составляло основу законодательства Церкви латинской, входя въ него интегральной частью. Когда въ моментъ раздѣленія Церквей отъ Фотія до Михаила Керуларія приняли христіанство изъ Константинополя Славяне, то Византія оказала еще болѣе могущественное вліяніе на міръ славянскій. Въ оцѣнкѣ этого мірового значенія Византіи для Восточной и Западной Европы Михаилъ Андреевичъ примыкалъ къ нашимъ византинистамъ Васильевскому, Успенскому, Павлову и созданной ими школѣ, органомъ которой служить теперь „Византійскій Временникъ“ и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ которой еще раньше возникъ журналъ „Byzantinische Zeitschrift“ Крumbaхера въ Мюнхенѣ. Что касается исторіи собственно русскаго Церковнаго права, то въ виду того, что Церковь была у насъ также и проводникомъ византійской культуры, Михаилъ Андреевичъ излагалъ исторію источниковъ Русскаго Церковнаго права въ общей связи съ развитіемъ Русской цивилизаціи. Особый интересъ этой части его лекцій состоялъ въ томъ, что онъ старался выслѣдить, какъ принесенныя изъ Византіи понятія примѣнялись къ условіямъ Русской жизни и какое оказывали на нее вліяніе. Въ этомъ отношеніи лекторъ примыкалъ къ Неволину, Павлову, Голубинскому и Ключевскому, изъ которыхъ два послѣднихъ, какъ было уже выше упомянуто, были его профессорами въ Академіи. Однако, весь этотъ матеріалъ давался въ нѣкоторой своеобразной обработкѣ. Дѣло въ томъ, что Михаилъ Андреевичъ отмѣчалъ въ исторіи нашей культуры три эпохи, которыя находятся въ соотвѣтствіи съ тремя идеалами, руководившими русскимъ обществомъ: это—эпоха древне-славянская, когда идеаломъ русскимъ былъ богатырь, которому „грузно отъ силушки, какъ отъ тяжбаго бремени“,

который не обидитъ слабого, а станетъ на его защиту; эпоха византійскаго вліянія, когда идеаломъ русскаго общества становится высокое проявленіе внутренней силы духа въ подвижничествѣ и святости, и, наконецъ, съ Петра, эпоха западно-европейскаго вліянія, когда идеаломъ общества становится личное человѣческое достоинство или гуманность. Въ зависимости отъ этихъ трехъ наслоеній въ области нашей русской культуры, нашъ единый народный идеаль, по представленію Михаила Андреевича, какъ бы разложился въ призмѣ нашей исторіи на три луча; но эти три луча должны быть снова соединены въ одинъ чистый бѣлый свѣтъ въ нашемъ національномъ самосознаніи. Хаосъ современныхъ идей какъ разъ объясняется противоборствомъ этихъ идеальныхъ элементовъ, ближайшая же задача нашего образованнаго общества состоитъ въ томъ, чтобъ найти синтезъ указанныхъ трехъ элементовъ нашей исторической жизни, если взглянуть на нее съ высшей отвлеченной точки зрѣнія. Все это Михаилъ Андреевичъ иллюстрировалъ фактами и изображалъ въ цѣльных картинахъ. При отсутствіи у его слушателей обширныхъ историческихъ свѣдѣній ему не легко было дать живое представленіе той или иной эпохи, однако онъ всегда умѣлъ справляться съ задачей благодаря синтетическому складу своего ума и навыку распорядиться обширнымъ историческимъ матеріаломъ. Но особенной яркостью, по свидѣтельству слушателей, и даже художественностью отличались нѣкоторые отдѣльные лекціи Михаила Андреевича и навсегда запечатлѣвались въ воспоминаніи какъ лучшіе моменты, проведенные въ Университетѣ. Сюда относятся всѣмъ памятная характеристика эпохи Константина Великаго или отдѣлы о полемическихъ кормчихъ, когда лекторъ развертывалъ одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ въ исторіи Московскаго государства, излагая перипетіи борьбы боярства съ духовенствомъ, начавшейся при Іоаннѣ III и окончившейся при Екатеринѣ II секуляризацией монастырскихъ имуществъ. Неизгладимое впечатлѣніе также оставляли лекціи о духовномъ регламентѣ, который Михаилъ Андреевичъ оцѣнивалъ въ связи съ личностію его автора (Феофана Прокоповича), указывая, какимъ образомъ школьные воззрѣнія этого послѣдняго на Церковь отразились въ данномъ замѣчательномъ памятникѣ нашего церковнаго законодательства, положившемъ начало новой исторіи Церковнаго права.

Второй, весенній семестръ Михаилъ Андреевичъ посвящалъ чтенію системы Церковнаго права, при чемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на характерѣ церковной вла-

сти, организаціи церковнаго общества, ученіи о соборахъ, церковномъ судѣ и брачномъ правѣ. Если лекціи перваго семестра (осенняго) являлись у него болѣе съ идейнымъ содержаніемъ, то во второмъ семестрѣ онѣ носили болѣе учебный характеръ, потому что лекторъ старался приноровить ихъ къ требованіямъ министерской программы, изданной для экзаменовъ въ юридической испытательной комиссіи. Желая удовлетворить въ полной мѣрѣ требованіямъ этой программы и дать матеріалъ для обстоятельныхъ отвѣтовъ на вопросы, указанные въ ней, Михаилъ Андреевичъ при помощи самихъ студентовъ составилъ даже: „Краткіе отвѣты на вопросы министерской программы по Церковному праву“, которые были нѣсколько разъ изданы при помощи литографіи. Въ этомъ небольшомъ компендіумѣ данъ цѣльный и логически разъясненный отвѣтъ на каждый поставленный въ программѣ вопросъ.

Быстро преодолевъ трудности новой науки, Михаилъ Андреевичъ уже въ 1889 году началъ писать свой капитальный трудъ: „Очеркъ православнаго Церковнаго права“, первый томъ котораго съ особымъ заглавіемъ: „Введеніе въ Церковное право“ вышелъ изъ печати въ оконченномъ видѣ въ 1893 г. Томъ этотъ посвященъ обзорѣнію исторіи источниковъ Церковнаго права на Востокѣ и на Западѣ до раздѣленія Церкви и исторіи источниковъ Церкви Константинопольской до паденія Византійской имперіи. Специалисты отнеслись къ труду Михаила Андреевича весьма благосклонно. Такъ, изъ двухъ официальныхъ рецензентовъ, которые разсматривали, по порученію Московской Духовной Академіи, его сочиненіе, представленное имъ для соисканія степени доктора Церковнаго права, первый, ординарный профессоръ, Алексѣй Петровичъ Лебедевъ, отмѣтивъ въ этой работѣ нѣкоторые недостатки, указываетъ рядъ достоинствъ, которыя оставляютъ въ московскомъ ученomъ „благопріятное для автора впечатлѣніе“. Второю официальнымъ рецензентомъ, Н. А. Заозерскій въ заключеніе своего пространнаго отзыва даетъ такую общую оцѣнку изслѣдованія Михаила Андреевича: „Принимая во вниманіе грандіозные размѣры задуманнаго авторомъ труда и имѣя въ виду въ подлежащей обширной книгѣ выполненіе важной его части, въ которой обнаружены обширная эрудиція, талантливое (въ научномъ смыслѣ) изложеніе и никакихъ грубыхъ погрѣшностей, признаю книгу автора значительнымъ вкладомъ въ науку каноническаго права и почитаю автора ея заслуживающимъ искомой имъ ученой степени доктора каноническаго права“ (Вогословскій Вѣстникъ, Протоколы Совѣта за 1894 г.

кн. X и XII, стр. 38—54). А профессоръ Казанскаго университета и въ то-же время Казанской Духовной академіи И. Бердниковъ вотъ что писалъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета (за 1894 г.) по поводу того-же сочиненія: „Мы уже имѣли случай привѣтствовать этотъ трудъ три года тому назадъ, при появленіи въ печати первыхъ листовъ его (Ученныя Записки 1890, кн. 6. Библиогр. стр. 2). То же привѣтствіе мы повторяемъ еще съ большимъ удовольствіемъ теперь, по прочтеніи цѣлаго тома. Профессоръ Остроумовъ еще сравнительно недавно посвятилъ себя специальному изученію церковнаго права. Тѣмъ болѣе ему чести и тѣмъ пріятнѣе намъ видѣть, что онъ въ сравнительно короткій срокъ успѣлъ уже основательно овладѣть своимъ предметомъ и является передъ публикой во всеоружіи солиднаго знанія его“. Нѣсколько ниже тотъ же рецензентъ даетъ такую общую характеристику „Введенія“ Михаила Андреевича: „Трудъ проф. Остроумова представляетъ подробное связанное изложеніе всѣхъ добытыхъ современной канонической наукой выводовъ по вопросу о памятникахъ Церковнаго права за указанный періодъ времени. Съ особенною тщательностію и основательностію обработанъ въ трудѣ проф. Остроумова отдѣлъ о сборникахъ Церковнаго права древней восточной и западной церкви. Весьма подробно и документально также представлено церковное и свѣтское законодательство по церковнымъ дѣламъ восточной церкви послѣ времени вселенскихъ соборовъ“. Переходя затѣмъ къ частностямъ, проф. Бердниковъ замѣчаетъ, что „трудъ проф. Остроумова по своимъ приѣмамъ удовлетворяетъ серьезнымъ научнымъ требованіямъ“. „Г. Остроумовъ“, продолжаетъ онъ, „отнесся къ своему дѣлу самымъ добросовѣстнымъ образомъ“, такъ какъ „счелъ своимъ долгомъ познакомиться со всѣми научными пособіями какъ въ русской, такъ и иностранной литературѣ“. Ссылки на чужіе труды, которые даются въ сочиненіи Михаила Андреевича, „дѣлаются“, по словамъ проф. Бердникова, „не для вида только“, потому что авторъ „знакомъ основательно съ большою частью сочиненій, которые онъ цитуетъ“. Привода мнѣнія другихъ ученыхъ, Михаилъ Андреевичъ не слѣдуетъ имъ рабски, „не смѣя самъ сдѣлать свободнаго шага“. Напротивъ того, онъ проявляетъ въ этомъ отношеніи полную самостоятельность. „Проф. Остроумовъ“, говоритъ тотъ же рецензентъ, „пользуется пособіемъ литературы совершенно научнымъ образомъ. Онъ взвѣшиваетъ съ научной точки зрѣнія каждаго автора, какого онъ цитируетъ, и приводитъ мнѣнія другихъ не для того только, чтобы опереться

на нихъ, но и затѣмъ, чтобы указать ихъ неосновательность. Очень часто проф. Остроумовъ въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ подвергаетъ подробному разбору мнѣнія ученыхъ, даже авторитетныхъ; всего же болѣе достается его критическихъ замѣчаній на долю проф. Суворова... Такою самостоятельностью въ сужденіи о научныхъ вопросахъ проф. Остроумовъ обязанъ между прочимъ основательному знакомству съ самыми каноническими памятниками, исторія которыхъ излагается въ его трудѣ. Такое знакомство даетъ себя знать всюду въ трудѣ проф. Остроумова. Далѣе рецензентъ отмѣчаетъ „важную особенность ученыхъ приемовъ“ Михаила Андреевича, которая состоитъ въ его „объективности и безпристрастіи“. „Проф. Остроумовъ“, говоритъ онъ, „не позволяетъ себѣ при передачѣ фактовъ распоряжаться ими произвольно, нанизывать на излюбленную идею только тѣ изъ нихъ, которые къ ней подходятъ, умалчивая о прочихъ, говорящихъ противъ нея, не позволяетъ себѣ представлять фактовъ въ одностороннемъ или прямо ложномъ свѣтѣ, какъ это дѣлаетъ проф. Суворовъ почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, въ однихъ болѣе въ другихъ менѣе; онъ сообщаетъ всѣ факты, какъ тѣ, которые говорятъ за, такъ и тѣ, которые говорятъ противъ извѣстнаго взгляда, и даетъ имъ справедливую оцѣнку“. Такое же безпристрастіе проявляетъ, по свидѣтельству проф. Бердникова, Михаилъ Андреевичъ и по отношенію къ мнѣніямъ и заслугамъ ученыхъ, трудами которыхъ онъ пользуется. „Онъ не старается“, говоритъ его рецензентъ, „замалчивать эти труды, не позволяетъ себѣ умалять ихъ значенія по чувству ли нерасположенія къ авторамъ или въ расчетѣ, что такимъ путемъ онъ самъ займетъ болѣе видное мѣсто среди другихъ. Нѣтъ, проф. Остроумовъ не обнаруживаетъ предубѣжденій къ трудамъ другихъ, а по возможности отдаетъ каждому должное, не скрывая недостатковъ, но не умалчивая и о достоинствахъ въ трудахъ другихъ“. Тутъ же проф. Бердниковъ считаетъ должнымъ прочесть маленькое правоученіе нѣкоторымъ другимъ собратьямъ по оружію, которые не проявляютъ качествъ, отмѣченныхъ въ сочиненіи Михаила Андреевича. „Мы считаемъ долгомъ отмѣтить указанную черту ученыхъ приемовъ проф. Остроумова“, замѣчаетъ онъ, „съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что эта черта встрѣчается довольно рѣдко у ученыхъ нашей специальности; а между тѣмъ эта черта, кромѣ того, что она свойственна истинной учености, служитъ, по нашему мнѣнію, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ задатковъ плодотворной ученой дѣятельности, приносящей не эфемерные, а прочные на-

учные результаты". Что касается подробностей въ изложеніи своего предмета, то проф. Бердниковъ отмѣчаетъ у Михаила Андреевича цѣлый рядъ частныхъ отдѣловъ, „которые не встрѣчались въ системахъ прежнихъ канонистовъ". Наконецъ, принципиальныя воззрѣнія Михаила Андреевича на высшіе вопросы Церковнаго права его рецензентъ считаетъ совершенно правильными. „Правильная точка зрѣнія", говоритъ онъ, „на основныя каноническіе вопросы, конечно, должна служить необходимымъ условіемъ плодотворной учебной и ученой дѣятельности профессора. Проф. Остроумову дѣлаетъ честь, что онъ пошелъ въ этомъ отношеніи по надлежащему пути". Единственный недостатокъ въ трудѣ Михаила Андреевича проф. Бердниковъ видитъ развѣ только въ нѣкоторыхъ излишествахъ. Заключаетъ онъ свою рецензію слѣдующими словами: „Изъ представленной нами выше краткой замѣтки о трудѣ профессора Остроумова можно видѣть, что въ лицѣ автора этого труда выступаетъ на поле ученой дѣятельности въ области православнаго Церковнаго права солидная ученая сила. И мы отъ души желаемъ для пользы нашей науки, чтобы проф. Остроумовъ энергически продолжалъ свой трудъ и прежде всего окончилъ бы введеніе въ православное Церковное право по тому плану, какой начертанъ имъ на стр. 139, и въ томъ же духѣ и съ тѣми же приѣмами, какіе мы видимъ въ изданномъ первомъ томѣ". Но не одинъ проф. Бердниковъ отнесся такъ благосклонно къ „Введенію" Михаила Андреевича: другіе спеціалисты также въ своихъ рецензіяхъ дали объ ней весьма лестныя отзывы. Такъ, Илья Михайловичъ Громогласовъ въ апрѣльской книжкѣ Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просв. за 1894 г. признаетъ за этимъ трудомъ „несомнѣнныя и незаурядныя достоинства", главный же недостатокъ его видитъ въ томъ, что въ составъ его введено кое-что излишнее и ненужное. Однако, всѣ эти недочеты являются „мелкими и небѣжными" въ такомъ обширномъ произведеніи, какъ трудъ Михаила Андреевича, „и всѣ они съ избыткомъ искупаются крупными достоинствами этого труда: обиліемъ содержанія, обширною эрудиціей автора, характеромъ его основныхъ взглядовъ, стройностью расположенія матеріала и тщательностью внѣшней обработки". Авторъ этой рецензіи, пораженный между прочимъ обиліемъ цитатъ въ сочиненіи нашего ученаго, рѣшился подсчитать хотя бы приблизительно количество поцитованныхъ книгъ и статей. Оказалось, что въ названной книгѣ „указано и поцитовано не менѣе шести сотъ сочиненій, книгъ и статей", и это, не включая сюда ссылокъ на святоотческія творенія и не

принимая въ расчетъ отдѣльныхъ томовъ при указаніяхъ на многотомныя изданія, а также не присоединяя къ общему количеству одного и того-же названія, когда извѣстное произведеніе упоминается въ цитатахъ по нѣскольку разъ. Правда, иногда, да и то, впрочемъ, рѣдко Михаилъ Андреевичъ, какъ это онъ самъ указываетъ, не всѣ перечисляемыя имъ книги имѣлъ у себя подъ руками; „во всякомъ случаѣ“, говоритъ рецензентъ, „если-бы даже мы, во вниманіе къ вышеупомянутымъ оговоркамъ автора, уменьшили хоть на цѣлую треть число книгъ, которыя, по цитаци, нужно считать бывшими у него подъ руками, изученными или по крайней мѣрѣ просмотрѣнными имъ при написаніи его книги, то и тогда останется цифра во всякомъ случаѣ почтенная и внушительная“. Для того, чтобы не утомлять читателя я сошлюсь только еще на одну рецензію, помѣщенную въ „Прибавленіяхъ къ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ“ (1894 г., № 31), авторъ которой прямо такъ называетъ „Введеніе“ Михаила Андреевича „великимъ трудомъ“ и замѣчаетъ, что чтеніе его доставило ему „нѣсколько дней истиннаго удовольствія“. Исключеніе изъ общаго хвалебнаго хора составляетъ одинъ только разборъ профессора Суворова, который въ желчной рецензій, помѣщенной въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“ (т. IV, стр. 171) подъ заглавіемъ: „Новая книга по Церковному праву“, отозвался о книгѣ Михаила Андреевича довольно сурово, при чемъ и самъ сгоряча надѣлалъ ошибокъ. Объясняется такое нервное отношеніе тѣмъ, что Михаилъ Андреевичъ въ своемъ сочиненіи указываетъ множество погрѣшностей и ошибокъ въ курсѣ и изслѣдованіяхъ самого профессора Суворова. Это, впрочемъ, не помѣшало Михаилу Андреевичу цѣнить труды его по достоинству и даже предложить его на факультетѣ въ почетные члены Университета по случаю исполнившагося столѣтія со времени его основанія. Какъ бы то ни было, но Московская Духовная Академія удостоила Михаила Андреевича за его „Введеніе“ ученой степени доктора Церковнаго права, въ каковой онъ и былъ утвержденъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 го іюля 1894 года (за № 3087). А кромѣ того трудъ Михаила Андреевича пользуется заслуженной извѣстностію не въ одной Россіи, но и за границею, особенно въ православныхъ Церквахъ славянскихъ.

Заговоривши о печатныхъ произведеніяхъ, вышедшихъ изъ подъ пера нашего ученаго въ бытность его въ Харьковѣ, мы должны здѣсь упомянуть о томъ рефератѣ, который былъ имъ

прочитанъ на XII Археологическомъ съѣздѣ, происходившемъ въ Харьковѣ въ 1902 году, въ засѣданіи 19-го Августа подъ заглавіемъ: „Вопросъ о греческомъ оригиналѣ текста правилъ славянской кормчей или такъ называемомъ Синописѣ церковныхъ правилъ и его первоначальномъ значеніи“. Въ этомъ рефератѣ, доселѣ остающемся въ рукописи, Михаилъ Андреевичъ развивалъ тезисы: 1) что редакція Синописиса Стефана Ефесскаго соотвѣтствуетъ расположенію правилъ номоканона Фотія, т. е. XIV титуловъ, между тѣмъ какъ редакція Симеона Магистра соотвѣтствуетъ порядку канонѣвъ въ номоканонѣ Схоластика, т. е. I титуловъ; 2) что онъ игралъ сначала служебную роль указателя церковныхъ правилъ и не имѣлъ самостоятельнаго значенія; 3) что текстъ Синописиса произошелъ изъ заглавій къ полному тексту правилъ. Примѣръ такого превращенія заглавій въ самостоятельныя правила представляютъ правила Лаодикійскаго Собора, на что указывалъ аббат Boudinhon въ 1888 году на католическомъ конгрессѣ въ Парижѣ. Только въ одномъ 60 правилѣ Лаодикійскаго Собора сохранился подлинный текстъ правила, тогда какъ въ 59 сохранилось только заглавіе этого правила. Такъ произошелъ оригиналъ правилъ церковныхъ въ нашей славянской кормчѣ сербской или рязанской редакціи и произошелъ не ранѣе VII Вселенскаго собора, потому что въ надписаніи къ правиламъ Перваго Вселенскаго собора говорится, что этотъ Соборъ состоялся въ Никей „впервые“, а это указываетъ, что составителю извѣстенъ былъ и тотъ Соборъ, который собирався въ Никей во второй разъ, т. е. VII Вселенскій. Специалисты знаютъ, что взглядъ, развиваемый Михаиломъ Андреевичемъ, является совершенно новымъ и при томъ проливаетъ яркій свѣтъ на одинъ изъ темныхъ вопросовъ, занимавшихъ изслѣдователей въ продолженіе двухъ столѣтій.

Отдавая своимъ специальнымъ работамъ по Церковному праву и затрачивая на нихъ много труда, тѣмъ не менѣе Михаилъ Андреевичъ находилъ время и для наукъ философскихъ, составлявшихъ предметъ его главнѣйшихъ занятій въ Духовныхъ семинаріяхъ и въ Московской академіи. И вотъ уже съ 1888 года, т. е. на другой годъ по вступленіи въ Харьковскій Университетъ, онъ началъ читать для студентовъ юридическаго факультета необязательный курсъ Логики въ связи съ теоріей познанія. Нужно замѣтить, что въ Русскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вообще и въ Университетахъ въ частности это былъ первый курсъ Логики въ связи съ теоріей познанія. До сихъ поръ преподавалась обычно только одна фор-

мальная логика, какъ показываютъ это печатные курсы названнаго предмета, изданные университетскими профессорами. Только въ германскихъ университетахъ да въ новыхъ нѣмецкихъ учебникахъ логика была поставлена въ связь съ теоріей познанія. Позднѣе на Историко-Филологическомъ факультетѣ въ Новороссійскомъ Университетѣ по такому же плану сталъ читать логику проф. Ланге. Но, какъ показываетъ изданный имъ учебникъ логики, онъ не разработалъ самостоятельно главныхъ отдѣловъ этой науки, между тѣмъ какъ Михаилъ Андреевичъ, какъ извѣстно его многочисленнымъ слушателямъ, основныя логическія ученія, какъ напримѣръ, о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ и особенно ученіе о наведеніи излагалъ совершенно самостоятельно и отлично отъ того, какъ все это излагалось въ обыкновенныхъ учебникахъ и трактатахъ по логикѣ.

Такъ какъ университетъ есть органъ науки и среда, въ которой воспитывается научное мышленіе студентовъ, то ознакомленіе съ логикой какъ наукой о наукѣ, т. е. ученіемъ о свойствахъ научнаго мышленія, по взгляду Михаила Андреевича, представлялось совершенною необходимостію для всякаго студента независимо отъ факультета: всѣ студенты Университета должны быть знакомы съ „наукою о наукѣ“, если они претендуютъ на научное образованіе. Михаилъ Андреевичъ является горячимъ сторонникомъ общеобразовательныхъ научныхъ курсовъ въ Университетѣ для студентовъ и не разъ предлагалъ молодымъ преподавателямъ Юридическаго и Историко-Филологическаго факультетовъ, въ томъ числѣ и пишущему эти строки, организовать въ Университетѣ общіе научные курсы по тѣмъ наукамъ, знакомство съ которыми необходимо для всякаго научно-образованнаго человѣка. Кромѣ логики въ составъ этихъ курсовъ, по мысли Михаила Андреевича, должны были входить такія общія науки, какъ напримѣръ, космологія, общая фізіологія, психологія, общее ученіе о природѣ человѣческаго общества, общее ученіе о правѣ и государствѣ, элементы политической экономіи, исторія всеобщая и въ частности русская, исторія литературы и искусства какъ исторія идеаловъ человѣчества, исторія философіи и естествознанія. Во всѣхъ этихъ наукахъ затрогиваются такіе вопросы, которые составляютъ элементы разумнаго міровоззрѣнія, и прийти на помощь молодымъ людямъ, только что покинувшимъ гимназическую скамью, для ознакомленія съ ними въ этомъ случаѣ представляется совершенно необходимымъ. Наши классическія гимназіи въ сущности не что иное, какъ спеціальныя филологическія учебныя заведенія, въ программы которыхъ рѣшеніе по-

добныхъ вопросовъ не входить. Поступая въ Университетъ, гимназисты опять отдаются спеціальнымъ занятіямъ: филологическимъ, юридическимъ, математическимъ, медицинскимъ. А между тѣмъ любознательность молодыхъ людей ищетъ и не можетъ не искать отвѣтовъ на общіе вопросы и стремится найти отвѣты на нихъ собственными усиліями при помощи чтенія, и при томъ случайнаго, разныхъ популярныхъ брошюръ и изданій, которыми наводняется нашъ книжный рынокъ и которыя раскупаются на-расхватъ. Въмѣсто этого случайнаго удовлетворенія насущной потребности студентовъ нужно дать имъ удовлетвореніе правильное и научное. Проектированные Михаиломъ Андреевичемъ курсы могли бы оказать въ этомъ случаѣ существенную научную помощь молодымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы сократить гимназическое обученіе до 6 лѣтъ, а университетское спеціальное на факультетахъ Историко-Филологическомъ, Юридическомъ и Физико-Математическомъ до 3 лѣтъ, то мѣсто для такихъ курсовъ можно было бы найти въ самой организаціи университетскаго преподаванія. Мысль эту Михаилъ Андреевичъ высказывалъ и какъ членъ комиссіи, которая была образована при Университетѣ для рѣшенія извѣстныхъ 18 вопросовъ, поставленныхъ Университетамъ въ Министерство Н. П. Боголѣнова, и въ особой запискѣ, поданной Академику И. И. Янжулу, когда тотъ посѣтилъ Харьковскій Университетъ по порученію Министерства, чтобы (посредствомъ анкеты) выяснить вопросъ о практическихъ занятіяхъ на юридическихъ факультетахъ (рукопись осталась у академика Янжула).

Тѣми же побужденіями руководствовался Михаилъ Андреевичъ, когда объявилъ сначала въ 189⁵/₆, а затѣмъ въ 190¹/₂ годахъ курсъ исторіи философіи для студентовъ Юридическаго факультета. Изъ двухъ этихъ курсовъ особеннымъ успѣхомъ пользовался второй, привлекшій слушателей со всѣхъ факультетовъ. Аудиторія № 5 оказалась слишкомъ мала и чтеніе лекцій пришлось перенести въ самую большую аудиторію въ старомъ зданіи Университета, физическую. Иногда слушать Михаила Андреевича собралось до 800 человѣкъ. Посѣщали эти лекціи его даже студенты Технологическаго института, переодѣваясь для этого въ форму студентовъ Университета. Среди слушателей можно было замѣтить и нѣкоторыхъ младшихъ преподавателей Университета. Въ виду особаго интереса лекцій Михаила Андреевича группа студентовъ Технологическаго института обратилась къ началству Института съ просьбой, чтобы оно исходатайствовало имъ дозволе-

ніе слухать его лекції по Історіі філософії въ Университетѣ. Учебный Комитетъ Института, въ свою очередь, нашель полезнымъ, чтобы студенты Технологическаго института слушали въ Университетѣ и другіе курсы, а потому обратился черезъ директора Зернова къ Попечителю Учебнаго округа, прося его ходатайства передъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи студентамъ Технологическаго института слушать лекції въ Университетѣ съ освобожденіемъ отъ платы въ пользу этого послѣдняго, но съ уплатою гонорара въ пользу профессоровъ. Къ сожалѣнію ходатайство это, отданное на заключеніе Правленія Университета, было отклонено на томъ основаніи, что студенты Технологическаго института не имѣють аттестатовъ зрѣлости классическихъ гимназій. Данный случай въ высшей степени любопытенъ въ томъ отношеніи, что можетъ служить мѣриломъ того необыкновеннаго успѣха, какимъ пользовались среди студенчества лекції Михаила Андреевича. Жаль только, что преподаванію такого интереснаго и важнаго предмета онъ могъ посвятить всего одинъ вечерній часъ въ недѣлю.

Въ слѣдующемъ 190²/₃ году Михаилъ Андреевичъ былъ приглашенъ предсѣдательницей Общества учительницъ прочесть популярный курсъ Логики въ связи съ теоріей познанія для женщинъ на женскихъ курсахъ, устроенныхъ ею при Университетѣ. Курсъ этотъ, по плану лектора, долженъ былъ дать слушательницамъ цѣлостное и законченное понятіе о развитіи и компетенціи нашего знанія ¹⁾).

Достигнута была поставленная задача или нѣтъ, но много-

¹⁾ Въ виду особаго интереса, возбужденнаго этимъ курсомъ въ свое время въ харьковскомъ обществѣ, мы приводимъ краткую программу его, полученную нами отъ одной изъ бывшихъ слушательницъ Михаила Андреевича, которой мы обязаны и нѣкоторыми другими свѣдѣніями, приводимыми нами ниже.

Программа по логикѣ въ связи съ теоріей познанія (курсъ, читанный съ Октября 1902 г. по Мартъ 1903 г. включительно).

I. *Общее ученіе о познаніи.* 1. Что такое познаніе? 2. Развитіе познанія. 3. Ступени развитія познанія, его формы. 4. Історія изслѣдованія вопроса о познаніи.

II. *О представленіи дѣйствительности.* 1. Ощущенія и его свойства. 2. Воспріятіе и локализція. 3. Воспроизведеніе и представленіе. 4. Представленія первичныя и вторичныя. 5. Пространство и время какъ формы представленія. 6. Ассоціація.

III. *О пониманіи дѣйствительности.* 1. Что значитъ понимать? Мышленіе какъ органъ. 2. Абстракція и сужденіе. 3. Два вида сужденій. 4. Понятіе какъ продуктъ мышленія. 5. Категоріи какъ формы понима-

численныя слушательницы съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за этимъ курсомъ и неопустительно посѣщали лекціи Михаила Андреевича. Можно было видѣть, какъ въ хорошіе осенніе вечера онѣ группами провожали его по Екатеринославской ул., горячо разсуждая о только что услышанномъ. По окончаніи же курса онѣ горячо благодарили Михаила Андреевича за понесенные имъ труды ради нихъ и, провожая его, кричали ему въ догонку: „Такія лекціи, профессоръ, не забываются во всю жизнь!“ Одна изъ слушательницъ, нѣкто Е. Г., весьма образованная особа, сдѣлала даже въ одной изъ мѣстныхъ газетъ слѣдующую характеристику чтеній Михаила Андреевича: „Съ рѣдкимъ преподавательскимъ искусствомъ профессоръ толковалъ слушательницамъ, которыя боялись проронить хотя бы одно слово, ту науку, которая больше всего возмущается противъ нашей „женской логики“ и сумѣлъ обратить, этотъ трудный предметъ въ интересный анализъ, доступный всѣмъ“ (X. В. 1893 г. № 17).

Приведенная замѣтка уже говоритъ объ „рѣдкомъ преподавательскомъ искусствѣ“ Михаила Андреевича. Такого же рода отзывы передавали намъ многіе изъ его бывшихъ слушателей и при этомъ выражали искреннее сожалѣніе, что онъ никогда не писалъ предварительно своихъ лекцій, а всегда ихъ импровизировалъ и, приступая къ чтенію, не имѣлъ передъ глазами даже конспекта. Впрочемъ, сначала онъ каждый разъ писалъ программу своей будущей лекціи и отдавалъ ее студентамъ наканунѣ лекціи для того, чтобы имъ удобнѣе было слѣдить за теченіемъ мыслей въ ней, когда они станутъ ее слушать. Въ этой программѣ Михаилъ Андреевичъ указывалъ источ-

нія. 6. Умозрѣніе какъ форма мышленія. 7. Умозаключеніе какъ форма умозрѣнія. 8. Три формы умозаключенія. 9. Новое ученіе объ умозаключеніи. 10. Доказательство.

IV. *О методахъ пониманія действительности.* 1. Методъ вообще. 2. Методы изслѣдованія, построенія системъ и передачи знаній. 3. Методы изслѣдованія опытные и умозрительные. 4. Индуктивный методъ. 5. Анализъ и синтезъ. 6. О вѣроятности. 7. О критеріи дискурсивнаго знанія и достовѣрности научнаго знанія вообще.

V. *Объ открытій действительности.* 1. Идеальное познаніе какъ оцѣнка. 2. Идея какъ норма оцѣнки. 3. Идея и идеаль. 4. Идея совершеннѣйшаго. 5. Три вида идей. 6. Идея въ наукѣ. 7. Идея въ моральной дѣятельности человѣка. 8. Идея въ искусствѣ.

VI. *Міросозерцаніе какъ синтезъ ступеней развитія знанія.* 1. Общая задача научнаго міросозерцанія. 2. Ступени его развитія. 3. Основные точки зрѣнія. 4. Цикль въ развитіи міросозерцанія, какъ онъ выразился въ исторіи философіи. 5. Объединительный принципъ міросозерцанія.

ники и пособія, предварительное знакомство съ которыми онъ считалъ необходимымъ для лучшаго усвоенія содержанія лекціи. Однако, этотъ приѣмъ не привился: студенты получали программы и теряли ихъ, но не пользовались ими, вслѣдствіе чего выдача программъ была прекращена. Манера чтенія, усвоенная Михайломъ Андреевичемъ, отличается своеобразностью. Лекцію говоритъ онъ, не сидя на кафедрѣ, а ходя около нея, и именно говорить, ведетъ бесѣду съ цѣлью втянуть слушателей въ самый процессъ изслѣдованія, привлечь ихъ къ соучаствію въ изслѣдованіи, но не читаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова и не произноситъ какъ какую-нибудь ораторскую рѣчь. Въ манерѣ вести свои лекціи, въ способѣ выраженія и въ дикціи сохраняется вся индивидуальность Михаила Андреевича, которая не менѣе привлекала къ себѣ вниманіе слушателей, чѣмъ и самая постановка вопроса и самое содержаніе лекцій. Одинъ изъ недавнихъ слушателей Михаила Андреевича передавалъ пишущему эти строки, какъ однажды, взойдя на кафедру, тотъ случайно плюнулъ, а потомъ, подумавъ немного, такъ началъ свою лекцію: „Вы думаете это просто плевокъ? Нѣтъ, онъ имѣетъ міровое значеніе!“ и далѣе началъ развивать мысль о связи вещей между собою, нарисовавъ грандіозную картину космоса, за что слушатели наградили лектора горячими рукоплесканіями, хотя всѣмъ было извѣстно, что Михайлъ Андреевичъ является принципиальнымъ врагомъ рукоплесканій, которыхъ на его долю въ теченіе его профессорской дѣятельности доставалось великое множество.

Принципиальнымъ врагомъ является Михайлъ Андреевичъ и поднесенія всякаго рода адресовъ со стороны студентовъ профессорамъ и все-таки ему былъ поднесенъ студентами адресъ въ 1902 г. Адресъ этотъ примѣчателенъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, въ немъ видно высокое развитіе его слушателей, съ другой стороны, въ немъ дана очень интересная характеристика профессорскихъ лекцій Михаила Андреевича. А потому мы и рѣшаемся привести цѣликомъ текстъ этого адреса, который читается такъ:

„Уважаемый профессоръ,
дорогой Михайлъ Андреевичъ!

Мы, группа вашихъ слушателей, испытывая потребность поблагодарить васъ за то многое, что вы сдѣлали для нашего духовнаго развитія, рѣшили обратиться къ вамъ съ настоящимъ адресомъ, дающимъ всѣмъ намъ возможность сказать

вамъ спасибо за трудъ, который вы такъ охотно и любовно несете уже много лѣтъ.

Среди всего многообразія читаемыхъ намъ курсовъ ваши лекціи, уважаемый Михаилъ Андреевичъ, отличались совершенно своеобразной особенностью. Считаая университетъ учрежденіемъ научнымъ, а университетскую науку—наукой не прикладной, вы сообщали своимъ чтеніямъ широту философскаго синтеза. И это было не только въ курсѣ логики, но и въ специальныхъ чтеніяхъ по Церковному праву, „предисловіе“ къ которому представлялось у васъ изложеніемъ цѣлой философской системы, органически связанной съ вашимъ курсомъ логики.

Главнѣйшей цѣлью студенческой работы вы считали не усвоеніе тѣхъ или иныхъ системъ утвержденій, а выработку умѣнья научно мыслить. Вы не ограничивались желаніемъ дать слушателямъ запасъ опредѣленныхъ знаній, а хотѣли научить ихъ обращаться со всякимъ знаніемъ.

Ваши лекціи были не столько изложеніемъ устоявшихся и опредѣлившихся положеній, сколько непрерывнымъ творчествомъ, творчествомъ научнымъ, протекавшимъ передъ нашими глазами. Мы видѣли, какъ растетъ и крѣпнеть мысль недоверпенная и все совершенствующаяся.

Поэтому и самыя ваши лекціи были не обученіемъ, а постояннымъ сотрудничествомъ. Молчаливая аудиторія передъ вашей кафедрой бывала активнѣе, чѣмъ нерѣдко во время шумныхъ научныхъ споровъ.

Передъ „молодыми учеными“, какъ вы любили называть насъ, жила и билась научная мысль, безпрестанно направляющаяся на созиданіе высшей изъ наукъ—„науки о наукахъ“.

Множество свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей человѣческаго знанія въ вашихъ рукахъ были послушнымъ орудіемъ въ этой работѣ. Множество самыхъ разнообразныхъ научныхъ интересовъ возникало и удовлетворялось у вашей кафедры. Поэтому пусть не удивитъ васъ, что среди подписей этого адреса вы встрѣтите имена вашихъ слушателей съ другихъ факультетовъ. Пусть не удивитъ васъ и то, что поднесеніе этого адреса связало людей, стремящихся къ практическому осуществленію въ жизни весьма различныхъ идеаловъ. Единственно возможной почвой для этого объединенія является лишь научная и преподавательская ваша дѣятельность, равно цѣнимая всѣми нами.

Въ началъ нынѣшняго академическаго года по нашей просьбѣ вы открыли новый курсъ, курсъ Исторіи философіи. И въ него вы внесли характерную особенность, присущую ва-

шимъ чтеніямъ. Научный матеріалъ не закрывалъ передъ нами мыслителя. Мы видѣли передъ собой не ряды мертвыхъ формулъ, однажды произведенныхъ человѣческимъ духомъ: безсмертныя мысли великихъ умовъ воскресали въ своемъ неслѣнномъ величіи,—и развѣ не за живымъ Сократомъ водили вы насъ по рынкамъ и площадямъ Аѳинъ?

Не отдѣленными другъ отъ друга представляли передъ нами системы мыслителей древности. Онѣ сочленялись въ одно неразрывное цѣлое, и это цѣлое—ищущая человѣческая личность; личность, не знающая покоя въ вѣчномъ своемъ совершенствованіи, въ исканіи смысла жизни и критеріевъ познанія.

Этотъ новый курсъ, который, надѣмся, только началъ оживать послѣ пятнадцатилѣтняго покоя и далека отъ своего завершенія,—этотъ курсъ въ связи съ попрежнему читаемой вами логикой и „предисловіемъ“ къ курсу Церковнаго права восполняетъ пробѣлъ въ чтеніяхъ нашего факультета,—пробѣлъ, который былъ бы слишкомъ чувствителенъ безъ васъ. Вы не жалѣли ни труда, ни энергіи и неутомимо вели этотъ новый курсъ съ особой любовью.

Вы слишкомъ много дали своей аудиторіи своихъ силъ и своей личности, чтобы наша благодарность не была вамъ близка и не увеличила чувствъ удовольствованія, которое должна вамъ давать ваша работа.

Примите же, дорогой Михаилъ Андреевичъ, нашу глубокую благодарность за то многое, что мы получили отъ васъ. Позвольте вамъ сказать, что цѣнимъ васъ и дорожимъ вашимъ теплымъ и любовнымъ отношеніемъ къ нашимъ научнымъ интересамъ и отъ всего сердца желаемъ вамъ силъ и бодрости духа на много, много лѣтъ.

Подъ адресомъ имѣется до 100 подписей.

Какъ видимъ, приведенный адресъ говоритъ объ обширныхъ познаніяхъ Михаила Андреевича, „о множествѣ свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ отраслей человѣческаго знанія“, бывшихъ въ его рукахъ „послушнымъ орудіемъ“ при научной работѣ. Но никогда это обширное энциклопедическое образованіе Михаила Андреевича не обнаруживалось съ такою яркостію, какъ во время публичныхъ диспутовъ при защитѣ диссертаций на ученые степени. Возражать на какое-нибудь специальное изслѣдованіе, на которое авторъ употребилъ цѣлыя годы труда, можетъ только тотъ, кто самъ знакомъ съ предметомъ изслѣдованія болѣе или менѣе близко, потому что только при такомъ условіи возможно серьезное ученое состязаніе съ авторомъ работы. И вотъ Михаилъ Андре-

евичъ въ своихъ возраженіяхъ всегда обнаруживалъ основательное знакомство съ предметомъ, остроуміе концепціи и серьезное критическое отношеніе къ дѣлу. Поэтому-то его возраженія всегда обращали на себя вниманіе специалистовъ, хотя роли официального оппонента онъ никогда на себя не принималъ. Въ первый разъ выступилъ Михаилъ Андреевичъ съ возраженіями на докторскомъ диспутѣ покойнаго профессора И. М. Собѣстіанскаго, защищавшаго диссертацию подъ заглавіемъ „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ Славянъ“, и выказалъ очень обширныя познанія въ первобытной исторіи Славянъ. Возраженія его были покрыты дружными рукоплесканіями присутствовавшей многочисленной публики. Затѣмъ, онъ возражалъ на докторскомъ диспутѣ проф. П. Э. Лейкфельда, представившаго диссертацию, озаглавленную „Логическое ученіе объ индукціи“, проф. А. С. Вязигина, защищавшаго диссертацию подъ заглавіемъ „Изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ“, прив.-доц. А. П. Кадлубовскаго, выступившаго со своимъ сочиненіемъ „Очерки по исторіи древне-русской литературы житій Святыхъ“, прив.-доц. В. И. Саввы, написавшаго работу о „Московскихъ царяхъ и византійскихъ василевсахъ“. Замѣчательны были возраженія, которыя представилъ Михаилъ Андреевичъ на диспутѣ Ф. Л. Германа, искавшаго степени доктора медицины за свою диссертацию „Историческіе матеріалы къ исторіи дыханія“. Несмотря на то, что медицинскій факультетъ допустилъ названную книгу до публичной защиты, авторъ ея не былъ удостоенъ искомой степени. Когда по поводу этой диссертациі возгорѣлся литературный споръ, въ которомъ принялъ участіе даже берлинскій профессоръ Пагель, Михаилъ Андреевичъ, чтобы доказать отсутствіе самостоятельности въ работѣ Ф. Л. Германа издалъ семьдесятъ страницъ его книги параллельно съ извлеченіями изъ тѣхъ латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и русскихъ сочиненій, изъ коихъ авторъ буквально заимствовалъ текстъ своей книги. Конечно, Михаилу Андреевичу стоило не малаго труда подыскать соответствующія мѣста, но за то съ полною убѣдительностію, можно сказать, очевидностію было доказано, что у Ф. Л. Германа на семидесяти страницахъ диссертациі не было и семидесяти строкъ своихъ собственныхъ, а не списанныхъ.

Давая отчетъ о профессорской дѣятельности Михаила Андреевича, нельзя умолчать о томъ, что онъ съ 12 января 1891 г. по 6 сентября текущаго 1905 г., слѣдовательно, въ теченіе четырнадцати лѣтъ непрерывно состоялъ въ должно-

сти секретаря юридического факультета и три года сразу исполнять обязанности декана факультета въ лѣтніе каникулярные мѣсяцы, почему и называлъ себя „дачнымъ“ деканомъ.

Помимо того въ 1899 году Михайль Андреевичъ былъ командированъ въ Москву для участія въ засѣданіяхъ Предварительнаго комитета Московскаго Археологическаго общества по устройству XII Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, который происходили въ январѣ 1901 г. А въ 1902 году онъ былъ вторично командированъ въ Москву для участія въ томъ же комитетѣ по устройству XIII Археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ.

Здѣсь же кстати будетъ замѣтить, что Михайль Андреевичъ вскорѣ послѣ своего прибытія въ Харьковъ сдѣлался центромъ, около котораго группировались многіе молодые преподаватели Юридическаго, а отчасти и Историко-Филологическаго факультета. Обладая чисто сократовскою способностію будить мысль и вмѣстѣ съ тѣмъ веселымъ общительнымъ характеромъ, Михайль Андреевичъ вѣчно собиралъ около себя въ профессорской комнатѣ слушателей, съ которыми вступалъ въ бесѣду, переходившую зачастую въ горячій увлекательный споръ. Но съ какимъ бы напряженіемъ ни отстаивали стороны свое мнѣніе, никогда споръ не принималъ обиднаго характера для кого бы то ни было. Иногда при этомъ Михайль Андреевичъ защищалъ то или другое положеніе даже не потому, чтобы онъ ему сочувствовалъ, а просто изъ удовольствія поспорить, посмотреть, какъ другой будетъ обосновывать свою мысль. И, надо отдать ему справедливость, въ этихъ случаяхъ онъ проявлялъ удивительную находчивость и остроуміе. Дома Михайль Андреевичъ также любилъ собирать молодежь и устраивалъ у себя вечера, на которыхъ объединялось временами многочисленное общество. Пишущему эти строки довольно таки часто приходилось здѣсь встрѣчать М. И. Догеля, нынѣ проф. Казанскаго Университета, профессоровъ Харьковскаго Университета Н. А. Гредескула, А. Д. Киселева, приватъ-доцентовъ Б. В. Попова, А. Н. Фатѣева, В. А. Ястржемскаго. Нѣкоторые изъ вечеровъ Михаила Андреевича очень удавались и, навѣрное, долго не будутъ забыты присутствовавшими на нихъ. Такъ, многіе надо думать, помнятъ еще тотъ вечеръ, на который пишущій эти строки привезъ, по приглашенію хозяина, Муллу Абдуррахима Талибова, извѣстнаго просвѣщеннаго мусульманскаго дѣятеля, пріѣхавшаго изъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Группа молодежи, скристаллизовавшаяся около Михаила Андреевича была на столько разнообразна и разностороння по сво-

имъ спеціальностямъ, что одно время возникала даже мысль основать „Ученое содружество“, ставившее своєю цѣлью чтеніе вышеупомянутыхъ лекцій по общеобразовательнымъ предметамъ, словомъ, устроить нѣчто въ родѣ народнаго Университета. Что же касается той роли, какую игралъ въ этомъ кружкѣ самъ Михаилъ Андреевичъ, и отношенія къ нему, можно судить по любовному названію „родитель“, которое ему усвоилось. Къ сожалѣнію всѣмъ этимъ замысламъ и даже добрымъ отношеніямъ положенъ былъ конецъ съ основаніемъ въ Харьковѣ Отдѣла Русскаго Собранія, при учрежденіи котораго Михаилъ Андреевичъ принималъ дѣятельное участіе, и особенно съ назначеніемъ его редакторомъ неофициальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“.

VIII.

Произошли эти два событія хотя и независимо другъ отъ друга, но почти одновременно. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности относительно участія Михаила Андреевича въ учрежденіи Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія, потому, что объ этомъ извѣстно уже читателямъ „Мирнаго Труда“ изъ другой статьи, спеціально выясняющей обстоятельства возникновенія Отдѣла ¹⁾. Отмѣтимъ только, что хотя Михаилъ Андреевичъ и рѣдко посѣщалъ засѣданія Отдѣла, но всегда проявлялъ къ дѣламъ его большое вниманіе и энергично отстаивалъ его интересы.

Когда послѣдовало приглашеніе со стороны Харьковского Губернатора принять на себя обязанности редактора неофициальной части „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, Михаилъ Андреевичъ долго колебался, но, наконецъ, уступая настойчивымъ просьбамъ начальника губерніи, согласился и вотъ 22 марта 1903 г. вышелъ первый номеръ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ подъ его редакціей. Вслѣдствіе перемѣны редактора газета круто измѣнила свое направленіе и приобрѣла новую строго опредѣленную фізіономію. Такъ какъ консервативныя воззрѣнія Михаила Андреевича, которыя онъ исповѣдывалъ открыто, были извѣстны всѣмъ, то порученіе ему редактировать газету многимъ не понравилось въ Харьковѣ и она съ первыхъ же дней встрѣтила прямо таки неспріязненное отношеніе со стороны крайнихъ элементовъ. Новый редакторъ уже на четвертый день получилъ письмо отъ одного присяжнаго повѣреннаго съ увѣдомленіемъ о томъ, что имъ будетъ предъявленъ искъ, если ему не будутъ возвращены подписныя

¹⁾ См. „Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1.

деньги. Общество грамотности отказалось от подписки на газету для школ сразу в количестве 270 экземпляров. На ряду с этим поднялась травля на Михаила Андреевича во многих столичных и провинциальных газетах, доходившая до неприличной руготни. Особенно отличались органы печати, находившіяся в еврейских руках. Но Михаил Андреевич на все враждебныя выходки отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ и продолжалъ твердо идти по намѣченному имъ пути. Къ сожалѣнію въ этихъ нападкахъ на новаго редактора приняла участіе и нѣкоторые гласныя Харьковской Думы. Несочувственные отзывы газеты объ отрицательныхъ сторонахъ дѣятельности городского управленія привели иныхъ изъ думскихъ дѣятелей въ такое раздраженіе, которому, казалось бы, не должно было быть мѣста при обсужденіи общественныхъ дѣлъ. Такъ, одинъ изъ гласныхъ думы заявилъ, что стѣны Университета краснѣютъ отъ статей профессора-редактора. Не обошлось при этомъ дѣло и безъ забавныхъ недоразумѣній, образчикомъ которыхъ можетъ служить слѣдующій фактъ. На одномъ изъ думскихъ засѣданій нѣкій гласный, держа въ рукахъ номеръ „Харьковскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ данъ былъ отчетъ о предшествующемъ засѣданіи Думы, выступилъ съ цѣлымъ обвинительнымъ актомъ противъ редактора, заявляя, что тотъ умышленно не помѣстилъ въ этомъ отчетѣ произнесенную имъ рѣчь. Каково же было смущеніе гласнаго и изумленіе его товарищей, когда присутствовавшій при этой сценѣ репортеръ „Харьковскихъ Вѣдомостей“, взявъ газету изъ рукъ гласнаго, указалъ ему, что инкриминируемая рѣчь благополучно напечатана на своемъ мѣстѣ въ отчетѣ о засѣданіи. Инцидентъ былъ исчерпанъ тѣмъ, что черезчуръ горячій гласный долженъ былъ публично извиниться за свою несмотрительность¹⁾. Еще болѣе подлилъ масла въ огонь докладъ Городского головы, въ которомъ онъ собралъ все статьи „Харьковскихъ Вѣдомостей“ о городскомъ управленіи и подвергъ ихъ рѣзкой критикѣ. Докладъ этотъ попалъ въ редакціи нѣкоторыхъ Петербургскихъ органовъ печати и вызвалъ въ нихъ новыя нападки на Михаила Андреевича. Этотъ не остался въ долгу и въ свою очередь помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ обстоятельно разобралъ указанную брошюру. Та и другая сторона была увлечена споромъ и, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, не всегда соблюдала, быть можетъ, должную мѣру. Въ настоящее время пока еще трудно отнестись съ должнымъ безпристрастіемъ къ этой полемикѣ, которую Ми-

1) См. „X. Г. В.“ 1903 г. № 65.

хаилу Андреевичу пришлось выносить почти исключительно одному на своихъ собственныхъ плечахъ, встрѣчая нападенія съ разныхъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ будущій историкъ города Харькова въ виду ея важности и принципиальнаго значенія, какое она имѣла, долженъ будетъ отвести для нея мѣсто на страницахъ своего труда, тѣмъ болѣе, что систематизированный отвѣтъ Михаила Андреевича Городскому головѣ теперь напечатанъ подъ заглавіемъ: „О Харьковскомъ городскомъ управленіи“. Вслѣдствіе этого читатель, сличивъ этотъ отвѣтъ съ вызвавшимъ его докладомъ, самъ можетъ судить, кто и на сколько здѣсь правъ. Какъ бы то ни было проектъ смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ за 1904 г. содержитъ въ себѣ доказательства, что критика редактора „Харьковскихъ Вѣдомостей“ не прошла даромъ ¹⁾.

Такимъ образомъ положеніе Михаила Андреевича какъ редактора на первыхъ же порахъ оказалось далеко не легкимъ. Но помимо борьбы съ извѣстными общественными теченіями ему приходилось считаться также и съ другими неблагоприятными условіями, которыя ему приходилось встрѣчать на своемъ пути. Труднѣе всего было обставить надлежащимъ образомъ газету со стороны сотрудниковъ. Губернскій органъ, располагая ограниченными средствами, не могъ имѣть дорого оплачиваемыхъ корреспондентовъ. Поэтому редакторъ долженъ былъ опираться главнымъ образомъ на добровольцевъ. Разсчитывать же на этихъ послѣднихъ было мудрено въ виду того, что они не были матеріально заинтересованы успѣхомъ газеты. Такимъ образомъ силою обстоятельствъ Михаилъ Андреевичъ вынужденъ былъ исключительно надѣяться на собственные силы. Присоедините къ этому отсутствіе надлежащей поддержки со стороны губернскаго чиновничества, многообразныя цензурныя затрудненія и вы поймете, какую огромную энергію нужно было развить редактору для того, чтобы при такихъ условіяхъ вести газету!

А между тѣмъ волна нашей всероссійской смуты все росла и становилась все глуше и шире. Въ настоящее время уже не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наши теперешнія волненія были подготовлены и организованы заранѣе въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ. Печатаніе секретныхъ правительственныхъ документовъ въ журналѣ „Освобожденіе“, который сталъ издавать въ Штутгартѣ переселившійся туда Петръ Струве, обнару-

¹⁾ Сличить отдѣлъ о недоимкахъ смѣты этого года со смѣтами предшествующихъ годовъ.

живаешь, что настоящее революціонное движеніе пользова-лось сочувствіемъ и поддержкой со стороны нѣкоторыхъ чиновничьихъ петербургскихъ круговъ. Московскіе же сѣзды, сходные по программѣ съ „Освобожденіемъ“, указываютъ, что планъ, по которому развиваются переживаемыя нами событія, былъ разработанъ въ средѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Горсть смутьяновъ, направляющая теперь ходъ событій, опираясь на нашу quasi-либеральную печать и отчасти даже на иностранные капиталы, не встрѣчала въ сущности никакого отпора со стороны правительства, которому рекомендовалось дѣлать всяческія уступки и не дразнить недовольныхъ элементовъ общества. Этотъ путь уступокъ, по мнѣнію редактора „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, ни въ какомъ случаѣ не могъ внести успокоенія въ страну. Правительство наше, если только оно дѣйствительно хотѣло прекратить смуту, никакъ не могло уступать по той простой причинѣ, что революціонные дѣятели сами никогда не уступаютъ. Они послѣдовательно продолжаютъ свой образъ дѣйствій и неуклонно ведутъ свою политику. Еще до 6 августа (Манифестъ о Думѣ) Михаилъ Андреевичъ писалъ: „Можно заранѣе предвидѣть, что они“, т. е. революціонные дѣятели, „не уступятъ, ибо дѣло касается не политическаго вопроса, а социальнаго. Многіе простодушно полагаютъ, что весьма легко достигнуть такъ называемаго „умиротворенія общества“, если сдѣлать уступки въ политической сферѣ и измѣнить господствующій политическій строй. Но это большая ошибка и даже не ошибка, а глубокое заблужденіе. Политическій переворотъ господамъ смутьянамъ нуженъ только потому, что онъ „расчищаетъ путь къ социальному перевороту“, а гдѣ границы этого социальнаго переворота, этого не скажутъ ясно даже сами господа социаль-демократы, открывающіе за-границей и внутри Россіи подписки для борьбы съ нашимъ государственнымъ строемъ. Но если они не способны уступить, то можно ли имъ уступать?...“ „Послѣ убійства В. К. Плеве“, продолжаетъ Михаилъ Андреевичъ, „мы писали: „Позволительно спросить: кого же нужно не раздражать и кому же нужно уступать? Слѣдуетъ ли не раздражать и уступить конституціоналистамъ штутгартской пробы и посадить на шею русскому мужику, котораго Господь уродилъ въ Россіи 85%, т. Струве съ его пристяжными, у которыхъ вѣдь тоже нѣтъ средствъ сдѣлать мужика счастливымъ, а есть полная возможность обратить его въ рабочаго себѣ данника? Но если уступить господамъ конституціоналистамъ, то гдѣ ручательство въ томъ, что тотчасъ же не по-

требуютъ себѣ уступки и господа сепаратисты, въ родѣ львовскихъ украинофиловъ, варшавскихъ и краковскихъ всеполяковъ, всеармянъ, балтовъ, финляндскихъ свенотановъ, мордвы, татаръ и черемисъ, вслѣдствіе чего отъ единой великой Россіи останется одно географическое названіе, и вся она будетъ растащена по клочкамъ? А если вы уступите сепаратистамъ, то почему не уступить социалистамъ, которые изъ Россіи сдѣлаютъ рабочій домъ и некультурные классы призвуютъ къ вѣщему развитію культуры? Но вѣдь и тутъ еще не конецъ. Почему не уступить анархистамъ, живущимъ подобно героямъ Горькаго внѣ общества, стремящимся разложить его на отдѣльныя единицы и водворить въ немъ всеобщее броженіе и хаосъ, чтобы посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ? Вѣдь и они могутъ раздражаться и прибѣгнуть къ террору. А почему не уступить еще и людямъ, стоящимъ по ту сторону добра и зла? „... Нѣтъ“, такъ заканчивается цитируемая статья, „Исторія Западной Европы только слѣпому не показываетъ, что на пути уступокъ нѣтъ спасенія, потому что уступки неминуемо ведутъ ко всеобщему разложенію. Ни монархическій, ни конституціонный, ни республиканскій режимъ не спасаютъ отъ дикихъ претензій и требованій противугосударственныхъ и противобщественныхъ элементовъ. Слѣдовательно, не на пути уступокъ нужно искать оздоровленія общества, а напротивъ, въ непреклонной твердости и послѣдовательномъ проведеніи политики, согласной съ историческими и національными началами, создавшими наше великое Русское государство“. Такимъ образомъ не уступки, а твердая власть и опредѣленная національная программа, основанная на историческомъ принципѣ, служить, по мнѣнію Михаила Андреевича, залогомъ мира и правильнаго органическаго развитія нашей страны. Этотъ историческій принципъ и былъ положенъ имъ въ основу его публицистической дѣятельности. Благо Россіи онъ видѣлъ въ органическомъ развитіи и воплощеніи въ жизнь страны трехъ зидительныхъ началъ историческаго бытія земли Русской: православія, самодержавія и народности. Эти начала глубоко заложены въ міросозерцаніе нашего народа, творящаго свою исторію, и если они потемнились въ нашемъ обществѣ, т. е. интеллигенціи, если интеллигенція постепенно прониклась чуждыми началами и стала преслѣдовать иные идеалы, то именно въ этомъ и нужно искать источникъ нашей смуты, вносимой въ жизнь беспочвеннымъ элементомъ quasi-интеллигентнаго нашего общества. Поэтому ближайшая задача въ развитіи нашего общественнаго самосознанія должна была, по мнѣнію редактора „Харьковскихъ Вѣдомостей“, состоять не въ томъ, чтобы народъ

претворить по образу интеллигенціи, а въ томъ чтобы интеллигенцію претворить по образу народа. На этой почвѣ онъ сходился со старыми славянофилами, міровоззрѣніе которыхъ произвело на него глубокое впечатлѣніе еще въ дни студенчества. Такъ, будучи еще молодымъ преподавателемъ, онъ стоялъ у открытой могилы И. С. Аксакова 27 января 1886 г., когда его хоронили въ Сергіевой Лаврѣ, и при звонѣ погребальнаго колокола говорилъ студентамъ Академіи о великомъ историческомъ значеніи славянофиловъ и славномъ гражданѣ земли Русской, нашедшемъ нынѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія въ обители истинно русскаго человѣка, Преподобнаго Сергія, вблизи Московской Духовной Академіи, которую такъ любилъ покойникъ. У этой могилы Михайлъ Андреевичъ непосредственно слышалъ и извѣстную рѣчь, сказанную здѣсь С. О. Шараповымъ. При разсмотрѣніи политическихъ воззрѣній Михаила Андреевича нельзя упускать изъ виду также и того, что величайшій русскій публицистъ М. Н. Катковъ не остался безъ вліянія на него. Съ Катковымъ онъ былъ знакомъ лично и по приглашенію этого послѣдняго преподавалъ логику въ теченіе одного семестра въ Лицеѣ Цесаревича Николая. Пишущій эти строки, проживая въ то время въ Лицеѣ, хорошо помнитъ, что Михайлъ Андреевичъ на время своихъ пріѣздовъ въ Москву изъ Сергіева Посада помѣщался въ кабинетѣ директора Лицея, которымъ тогда состоялъ Михайлъ Никифоровичъ Катковъ. Здѣсь происходили у нихъ частыя и продолжительныя бесѣды, въ которыхъ славянофильскій идеалистическій пылъ молодого профессора находилъ себѣ коррективъ въ трезвыхъ взглядахъ маститаго публициста. Можетъ быть, вліяніемъ этого послѣдняго надо объяснять, почему Михайлъ Андреевичъ, редактируя „Харьковскія Вѣдомости“, болѣе всего обращалъ вниманія на конкретныя условія, на данное состояніе общества, на соотношеніе его силъ, чѣмъ на отвлеченные принципы.

Роковая ошибка нашей внутренней политики самыхъ послѣднихъ лѣтъ, по мнѣнію Михаила Андреевича, заключалась въ томъ, что правительство вмѣсто того, чтобы опираться на право, вздумало обосновать свою власть на довѣріи и тѣмъ самымъ подвергло себя всѣмъ случайностямъ довѣрія однихъ и недоовѣрія другихъ, не принявъ во вниманіе конкретныхъ условій жизни общества. Эта политика довѣрія повлекла за собою перенесеніе точки опоры съ народа на такъ называемое общество. Прежде правительство опиралось на народныя воззрѣнія, теперь оно пожелало опереться на „идейную“ часть общества, на вдумчивое большинство общества. Политика мини-

стерства графа Витте въ послѣдніе мѣсяцы сдѣлала здѣсь двойную ошибку: съ одной стороны, она не приняла въ расчетъ именно народныя массы, ихъ историческій складъ и возрѣнія, полагая, что эти массы такой матеріалъ, въ который можно удобно „внѣдрить“ „новыя формы“, чуждыя ея предшествующей жизни; а съ другой стороны, эта политика слишкомъ высоко оцѣнила „идейную“ часть общества, въ сущности оторвавшаяся отъ народа, потерявшая почву и не усвоившая себѣ никакихъ возрѣній кромѣ общихъ мѣстъ, вычитанныхъ изъ книгъ, относящихся къ чуждой намъ жизни. Министерство графа Витте сочло, что идейная часть общества переросла „старыя формы“ и созрѣла для „новыхъ формъ“; но это была ошибка: „требованія“ извѣстной части общества были приняты за его зрѣлость, между тѣмъ какъ эти требованія именно и указывали на его юношескую незрѣлость, потому что безусой молодежи и свойственно предъявлять столь радикальныя и необоснованныя требованія. Поэтому-то новый курсъ политики и перемѣна режима вмѣсто успокоенія и „восторга населенія“, о которомъ столь много нагнали телеграммы, принесли только новыя замѣшательства, усилили смуту и дали въ результатъ кровавыя беспорядки. Пропорціонально уступкамъ „идейной части“ общества возросли и требованія. Всѣ стали требовать всего: земцы, желѣзнодорожники, рабочіе, телеграфисты, гимназисты, половые, дворники, кухарки, полотеры... Смуты всколыхнула все наше общество до самаго дна. Теперь уже намъ обѣщаютъ успокоеніе лишь послѣ того, какъ все старое историческое будетъ упразднено и государство русское будетъ вновь создано въ учредительной Думѣ.

Очевидно, на такое „общество“, которое разорвало связь съ историческими началами народной и государственной жизни, опереться нельзя, потому что оно само не имѣетъ опоры, а виситъ на воздухѣ. Не имѣя реальной исторической основы, „общество“ оказалось очень бѣдно своими идеями и ползетъ врозь. „Будучи согласны въ отрицательномъ отношеніи къ прошедшему, протестующіе элементы въ самихъ себѣ представляютъ разбродъ“, писали „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ 2 ноября с. г. Въ нашемъ „идейномъ“ обществѣ вы найдете и монархистовъ, и конституціоналистовъ, и республиканцевъ, и федералистовъ, и социаль-демократовъ, и даже анархистовъ съ придачею революціонеровъ. „Можетъ ли правительство опереться на этотъ разбродъ?“ спрашивали „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и отвѣчали: „Намъ кажется, — никоимъ образомъ. Это скользкая и непрочная почва. Правительство могло бы опереться на общество, еслибы программы правительства и

большинства общества совпадали, но этого-то мы и не видим... ибо у общества нѣтъ положительной и ясной программы. Вѣдь, общія фразы, которыя теперь сыплются со всѣхъ сторонъ безъ пониманія ихъ точнаго смысла совсѣмъ не программа, а пока такой ясной положительной программы нѣтъ, невозможно и оперетса на общество. Поэтому намъ кажется, заканчивая свое разсужденіе „Харьковскія Вѣдомости“, „что правительство должно взять инициативу въ свои руки и собственной энергіей создать себѣ необходимое большинство. Но для этого ему нужно принять въ соображеніе народныя воззрѣнія и народныя нужды, а не теоретическія выкладки и резонерскую идеологию. Нужно побольше чувства дѣйствительности“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Михаила Андреевича, точку опоры слѣдуетъ перенести съ общества на народъ и на историческую почву: иначе грозитъ хаосъ и полная безпомощность. Мысли эти были высказаны 2 ноября. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей вполне подтвердилъ сдѣланный здѣсь діагнозъ. Умѣренные элементы съ Гучковымъ во главѣ остались на этомъ съѣздѣ въ меньшинствѣ. Когда уже съѣздъ закрылся, именно 18 ноября, въ телеграммѣ изъ Лондона мы читали слѣдующія слова *Pall Mall Gazette*, касающіяся отказа правительства исполнить требованія съѣзда: „Дѣйствительно, правительство не можетъ дѣйствовать иначе, такъ какъ ни революціонеры, ни умѣренные элементы, которые предъявили столь неумѣренныя требованія, не даютъ ему возможности сдѣлать что-либо другое. Въ хаосѣ крикливыхъ голосовъ, раздающихся теперь во тьмѣ переживаемой Россіей ночи, нельзя найти ничего утѣшительнаго“. Но можно ли опираться на хаосъ? Нѣтъ, чтобы выбраться изъ этого хаоса у правительства остается одна дорога, одинъ старый историческій путь органическаго развитія. По этому пути должно пойти и общество или же его должно на этотъ путь направить: иначе странѣ грозитъ кровавый призракъ анархіи...

Мы не станемъ передавать здѣсь объ отношеніи редактора „Харьковскихъ Вѣдомостей“ къ нашей войнѣ съ Японіей; замѣтимъ только, что онъ сохранилъ вѣру въ окончательное торжество нашего оружія надъ Японіей послѣ всѣхъ нашихъ отступленій. Въ статьѣ „Кому нуженъ миръ во чтобы то ни стало“ Михаилъ Андреевичъ вполне точно характеризовалъ истощеніе Японіи, которое въ настоящее время уже считается обще-признаннымъ фактомъ. Не будемъ останавливаться здѣсь также и на его воззрѣніяхъ на разные государственные вопросы, какъ-то на мѣстное самоуправленіе, на крестьянскій вопросъ, на сословный вопросъ вообще, на роль плутократіи

въ современномъ обществѣ и т. д. Отмѣтимъ только, что при освѣщеніи всѣхъ этихъ вопросовъ Михаилъ Андреевичъ всегда стоялъ на исторической точкѣ зрѣнія и, слѣдовательно, всегда обосновывалъ свои воззрѣнія на фактахъ. Въ общемъ перу его самого за короткій промежутокъ времени его редакторства принадлежитъ болѣе двухсотъ тридцати статей. Такъ какъ многія изъ этихъ статей отличаются свойственной Михаилу Андреевичу глубиной мысли, оригинальностью освѣщенія и обиліемъ фактическаго матеріала и носятъ общій характеръ, то можно было бы пожелать, чтобы всѣ статьи, написанныя имъ самимъ, были соединены въ особый сборникъ и выпущены въ свѣтъ. Мы увѣрены, что помимо современниковъ за этотъ сборникъ будетъ благодаренъ и будущій историкъ нашего смутнаго времени, такъ какъ онъ найдетъ здѣсь руководящія идеи для своего труда.

IX.

Заканчивая настоящій біографическій очеркъ, мы укажемъ, что Михаилъ Андреевичъ, представляетъ собою въ высшей степени поучительный образчикъ человѣка трехъ поколѣній: онъ принадлежитъ по своему развитію и дѣятельности къ шестидесятымъ, восьмидесятымъ и девятисотымъ годамъ. Два поколѣнія уже отошли въ прошлое: это—поколѣніе эпохи освобожденія, т. е. Царствованія Императора Александра II, когда въ противоположность Царствованію Императора Николая I, казалось, что все будетъ сдѣлано, если обществу дана будетъ возможно большая степень самодѣятельности, и поколѣніе эпохи мирнаго развитія, т. е. Царствованія Императора Александра III, когда правительство приняло на себя инициативу, по словамъ покойнаго Н. Х. Бунге: „1) удовлетворить народному чувству, по которому Россія должна принадлежать Русскимъ, 2) упорядочить и скрѣпить внутренній строй управленія... и 3) развитъ духовныя и матеріальныя силы народа“. Теперь пришло новое поколѣніе. Мы не знаемъ, что оно принесетъ съ собою. Двѣ же предшествующія эпохи были жиздательными. Новое поколѣніе принесло съ собою пока одну смуту и отрицаніе стараго исторически сложившагося строя. Старые люди, которые сдѣлали своею дѣло, по силѣ разумнія, должны теперь дать дорогу молодымъ. Что дѣлали люди двухъ предшествующихъ поколѣній мы видѣли: они честно потрудились и могутъ теперь отдохнуть въ сознаніи исполненнаго долга. Посмотримъ, что-то сдѣлаетъ новое поколѣніе!

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА К. Д. У.

88954

